

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ
ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА

ПЕРСОНА

РОМАН

18+

МАКСИМ ЖИРАРДО



1793

Максим Жирардо

Персона

«РИПОЛ Классик»

2020

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)6-44

Жирардо М.

Персона / М. Жирардо — «РИПОЛ Классик», 2020 — (1793)

ISBN 78-5-386-13820-2

Мужчина найден ужасно изуродованным в заброшенном здании больничного центра Сент-Анн в Париже. Для Франка Соммерсета, комиссара по криминалу, это начало странного и необычного расследования. Странного, потому что это не серия убийств в прямом смысле этого слова: все жертвы еще живы, но их пытали и «заперли» в себе. Чтобы понять кто за этим стоит, Франку Соммерсету нужно будет вникать во вселенную Интернета и корпораций цифровых технологий, которые контролируют нашу нематериальную жизнь.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)6-44

ISBN 78-5-386-13820-2

© Жирардо М., 2020
© РИПОЛ Классик, 2020

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	45
Глава 10	48
Глава и	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Максим Жирардо

Персона

Я знаю, кто ты.

Посвящается моей возлюбленной Гаэль.

Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, канат над пропастью.

Фридрих Ницше, «Так говорил Заратустра»

Maxime Girardeau
PERSONA

(перевод с французского В. М. Липки)



РИПОЛ
КЛАССИК

© Mazarine/Librairie Artheme Fayard, 2020.

© Липка В.М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2021

Он открыл глаза.

Чтобы вынырнуть из тумана барбитуратов, ему понадобилось несколько секунд. Он несколько раз моргнул, каждый раз до максимума тарая глаза и водя вправо-влево зрачками.

В ответ на удары его рук и ног дерево глухо заскрипело. Услышать этот звук было очень трудно – его заглушала вода и маскировала вибрация от проходящего неподалеку поезда.

Он стонал, едва ворочая языком и все еще не отдавая себе до конца отчета в том, что его окружало.

Его стоны стали складываться в слова, почти даже разборчивые. Он все громче и теперь чуть ли не ежесекундно терся о стенку. Еще чуть-чуть, и на него снизойдет озарение.

При взгляде на него у меня внутри не рождалось никаких эмоций. Попытка отыскать малейшее чувство, свидетельствующее о том, что в моей душе все еще теплится жизнь, оказалась безрезультатной.

Пустота.

Он отнял у меня все. Он. Как и другие. Отрезал все, что только можно.

Он не знал, что я из мрака наблюдаю за ним – в полной неподвижности, следя за каждым жестом, заглядывая ему в душу и пытаюсь разобраться в своей.

Комнату немного освещала пыльная лампочка, свисавшая посередине на электрическом проводе с потолка. Ее, должно быть, позабыли и не использовали уже много лет, как и все это помещение. С течением времени оно исчезло из всех официальных планов.

Это помещение мне приглянулось как раз из-за этого замызганного света, лишний раз подчеркивавшего язвы, расплывшиеся по стенам, – год за годом, десятилетие за десятилетием. С тех пор, как живой человек погасил лампочку и запер за собой дверь, прошло, казалось, целое столетие.

Он закричал и позвал на помощь. Ну наконец-то.

Теперь он мотал головой во все стороны, извиваясь телом, чтобы избавиться от оков. Это было ему не под силу. Деревянная бочка стала ему надежным удилищем. А чтобы он не дергался, мне пришлось спутать его по рукам и ногам.

На его лице явственно проступила боль. Лоб пошел морщинами. Между складками собирались капельки пота и стекали вниз по коже. Надрезы на его теле остались глубокие. Их нужно было делать аккуратно – на пределе, но чтобы не вызвать обильного кровотечения, не жалея времени и используя весь опыт и знания, приобретенные мной в полевых условиях за долгие годы.

Я знаю, как направить на тело боль, как превратить ее в волну, накрывающую человека с головой. Схематический план нервов мне известен. Он же в ужасе открывал их у себя, один за другим, впервые в жизни чувствуя, что все его естество изливает потоки страданий.

Он тоже был в чистом виде рыцарем насилия, которому подчинял все свои помыслы.

Моя пытка оказалась куда более жестокой.

На этот раз он завопил, замолотив руками и ногами, чтобы вырваться из саркофага. И только его голова, оставшаяся на свободе, силилась что-то понять.

Час пробил. Пора выйти из тени и предстать перед ним.

– Выслушай меня.

Увидев меня в лучах света, он застыл, затем в нем будто что-то шевельнулось. Падающей звездой в черной ночи во взгляде мелькнула надежда. Он попытался произнести несколько слов, складывая их в предложения, но вызванное барбитуратами оцепенение не давало ему связно говорить. Его руки заколотили по дереву. Он боролся, жаждая выжить и сохранить надежду.

Ноги понесли меня вперед и остановились, только когда до его лица мне осталось всего несколько сантиметров. Его уже окутывала вонь.

– Успокойся. Паниковать бесполезно. Ты скоро умрешь, и сейчас я расскажу тебе почему.

Часть первая

Глава 1

Каль сел на край кровати и немного поворачивал ступнями. С каждым движением к нему понемногу возвращалась гибкость. Каждый день будильник его часов вибрировал в половине шестого утра. Он уже проснулся, будто самолично запрограммировав себя положить конец оцепенению сна, и теперь ждал, когда зажужжит механизм, чтобы открыть глаза. Затем – снизу доверху – потянулся каждой мышцей и, наконец, покрутил шеей, не сводя глаз с лепнины вокруг висевшей посреди потолка люстры.

Он встал, прошел по длинному коридору и оказался в просторной кухне, выходящей в большую гостиную, разделенную перегородкой на две части. Хотя рассвет и не начал еще свое победоносное шествие, ночь уже разваливалась на куски.

Точно выверенными жестами Каль разрезал яблоко, морковь и половинку свеклы. Затем сунул кусочки в соковыжималку Brentwood JC-500, сдобрив их лимонной цедрой, имбирем и свежей куркумой. Купить этот агрегат посоветовал личный диетолог. «Это самый традиционный способ максимально усваивать витамины и микроэлементы, необходимые для благополучия организма», – сказал он ему тогда своим зычным, строгим голосом. Из чего Каль сделал вывод, что именно по этой причине пищевой промышленности разрешали подмешивать в жратву для бедных консерванты, пестициды, различные добавки и прочие канцерогенные коктейли. «Не забывайте, – всегда завершал он свои тирады, уже покончив с образом жизни Силиконовой долины, но еще не перейдя к консервативным парижским обывателям, – человек живет тем, что употребляет в пищу». И в этот момент спрашивал себя, что лучше – облапошивать этих самых обывателей или посылать их куда подальше.

Двадцать минут мышечных упражнений и сорок на домашней беговой дорожке, по которой он, в зависимости от ужина накануне, пробегал от восьми до девяти километров. Перечень этих упражнений он вывел на экран айпада, лежавшего на столе рядом со свежими полотенцами. Их, специально для Каля, совместными усилиями подготовили бывший олимпийский чемпион и его врач, именитый профессор из Сальпетриер¹. Перед началом он включал телевизор и смотрел трансляцию телеканала BFM, давно ставшего для него чем-то вроде FoxNews, только на французский манер.

Без четверти семь он шел в душ, продумав эту процедуру с той же одержимостью деталями, которую демонстрировал во всех без исключения начинаниях. Теперь он пользовался линейкой товаров с экстрактами арктических растений. От геля исходило ощущение свежести и чистоты. Кожу будто обволакивала пленка, от которой на душу сниходило успокоение.

Он повернул смеситель на пару миллиметров влево. Температура подскочила на десяток градусов, и вода стала такой же горячей, как когда-то. Он мысленно перенесся на несколько десятилетий назад.

Его накрыл запах плесени, от которого защипало в носу. Ее дух заполнил собой все без остатка, уничтожая растения, вгрызаясь в потолки, заползая под пожелтевшие обои. Она ненасытным людоедом набрасывалась на каждую частичку человеческих творений. В старый дом священника, переоборудованный под детский приют, эта гниль въелась от фундамента до самой крыши. Она ощущалась повсюду, куда ни пойдешь, даже в кабинете директора, един-

¹ Сальпетриер — известная парижская клиника, основанная в XVII веке. — Здесь и далее примечания переводчика.

ственном помещении, которое выглядело хоть немного современно. Ею пропитались одежда, тетради, продукты питания и сами дети.

Но у него все же было укромное местечко, где он чувствовал себя хорошо. В общем душе, в последней кабинке, под горячей водой. В такие минуты даже отступал страх, ставший его постоянным спутником. Сердце замедлялось, артериальное давление приходило в норму, виски переставали трепетать в ритме ужаса. Он стоял там нагой и хрупкий, но при этом мог свободно дышать.

До него доносились их голоса. Они занимали места, чтобы дождаться, когда он выйдет. Как только он сделает шаг за пределы своего святилища, они попытаются сорвать с него полотенце, чтобы он мог прикрыться единственно своим стыдом. Другие станут его толкать, а самые говорливые, чтобы заклеить его дух, прибегнут к словам. Их крики наверняка привлекут внимание пары опоздавших, которые прибегут поглядеть, как унижают, оскорбляют и дубасят «мажорчика». А когда брызнет кровь, их крики вонзятся в барабанные перепонки, пробьют себе дорогу через складки мозга и всадят свои когти, обгаживая что только можно.

Каль яростно повернул ручку смесителя в обратную сторону. Ему на плечи обрушилась ледяная стена, унося с собой далекие воспоминания. Палачи исчезли. Мышцы стали сокращаться скоординированными, рефлекторными движениями. Он открыл глаза, застыл в полной неподвижности и сосредоточился на ритмичном дыхании. Потому что давно приучил рассудок не поддаваться первым порывам и сдерживаться, чего бы ему это не стоило.

Сегодня сам Каль Доу внушал другим страх.

Когда он уже сушился, его позвал женский голос:

– Куда ты?

– В Канн, – не оборачиваясь, ответил он.

– Надолго?

– На пару дней.

– Детям сказал?

– Скажи им сама.

Он услышал, что по паркету зацокали каблучки.

– Посылку привезли?

– Лежит у тебя на столе, – ответила она, и он понял, что в этот момент на ее лице отразилась гримаса отвращения.

Перед тем как спуститься и взять такси, он внимательно рассмотрел свое приобретение. Эту вещь Каль купил на аукционе за тридцать пять тысяч евро. Камень напоминал крупный гладкий валун сантиметров десяти в высоту, на срезе которого высекли лицо. Этот магический камень с архипелага Вануату живописал какого-то очень могущественного колдуна и передавал его силу каждому, кому он доставался, – именно к этому и сводилась его функция.

Каль давно стал одним из крупнейших коллекционеров предметов первобытного искусства во всем мире. Ему то и дело присылали письма с просьбой выставить те или иные экспонаты в Нью-Йорке, Дубае или Берлине, но он неизменно отвечал отказом. Эти предметы обладали слишком большим могуществом, чтобы терять свою силу под чужими взглядами.

В лифт, двери которого открывались прямо на его лестничной площадке, он сел в четверть восьмого. У главного входа его ждало такси. Чтобы добраться до аэропорта Шарля де Голля, им понадобилось всего тридцать минут.

Глава 2

Фрэнку Сомерсету позвонил дивизионный комиссар Ванно, чтобы поручить дело.

Случай выглядел необычно. За тридцать пять лет существования Уголовной полиции его еще ни разу не назначали вести расследование банального нанесения тяжких телесных повреждений, а не убийства, к которым он давно привык. Необычного характера этого звонка ему с лихвой хватило, чтобы согласиться, не вникая в дальнейшие подробности.

Фрэнк по традиции завтракал в кафешке «Друг Жюстен» на улице Репо на границе между его родным кварталом Одиннадцатого округа и Двадцатым. Он всегда садился за небольшой круглый столик в глубине помещения справа от входа, с комфортом устраиваясь на удобной, обтянутой черной кожей скамье. Эти жесты, повторяемые им каждое утро, словно ритуал пробуждения, Фрэнк очень любил.

Он положил последний номер «Либерасьон» между яблочным соком и круассаном. В «Жюстене» транслировался повтор ночного выпуска «Афтерфут», и меж двух порывов вдохновения Ротана или Риоло² Фрэнк пил свой кофе, попутно узнавая, что происходит в мире. Порой заказывал еще одну чашечку, чтобы хоть немного продлить этот момент, остановить на миг время перед тем, как погрузиться в суматоху.

Сегодня повторить удовольствие ему мешали две вещи. Во-первых, новое дело, на которое надо было срочно мобилизовать находившуюся в его подчинении команду. А во-вторых, лицо крупным планом, надутое от амбиций и ненависти, перечеркнутое заголовком «Трампокалипсис», побуждавшее его взяться за работу, чтобы хоть немного сгладить, пусть даже и по-своему, этот приступ острого человеческого безумия.

Он встал, бросил на стол купюру в десять евро, ушел и, преодолевая несколько десятков метров, отделявших его от квартиры, набрал на телефоне номер.

– Это Фрэнк.

– Привет, – ответила Лоране Мило.

– Мне только что звонил Ванно.

– Ну и?..

– Нам поручают дело о причинении тяжких телесных повреждений в больнице Святой Анны.

– Причинение тяжких в богадельне? Ты уверен, что он не перепутал бригады?

– Уверен. Собери всех, встретимся на месте происшествия через полчаса.

– Ладно.

Бок о бок с Фрэнком Лоране работала уже десять лет. С тех самых пор, как он создал свое подразделение, она служила, как некоторые любили ее называть, его наседкой. Опираясь на профессиональный рост, помеченный громкими достижениями, он потребовал дать ему возможность создать команду, от «А» до «Я», развязав руки и дав право отбирать в нее тех, кого ему хотелось. Ему дали «добро», и кроме Лоране, ставшей его правой рукой, он брал к себе исключительно молодых полицейских – компетентных, проявляющих в работе новаторский подход и обладающих уживчивым характером.

Фрэнк толкнул дверь своей берлоги на углу улицы Рокетт и бульвара Менильмонтан. Внутри отзывалось зудом чутье. На горизонте маячило необычное дело, и ему обязательно нужно было потратить на себя еще несколько мгновений, пока его окончательно не затянул этот водоворот.

Он прошел через большую комнату, – под каблуками его туфель закрипел прочный паркет, – открыл широкую, застекленную дверь, и стены книг в гостиной окунулись в яркий свет.

² *Afterfoot* — передача радио RMC, которую в числе других ведут Жером Ротан и Даниэль Риоло.

Облокотившись на небольшой терраске на кованые железные перила, Фрэнк неторопливо прислушался к своему городу, к своему Парижу, как он его ласкательно называл. Городу, который он знал, как только можно знать нежно любимую женщину, в то же время хранящую в себе великое множество тайн. Через металл поручней он чувствовал его трепет. Ему нравилось думать, что каждое утро Париж шепчет ему несколько слов о том, куда ему надо посмотреть, о том, где в нем нуждаются.

Прямо перед ним простиралось кладбище Пер-Лашез, самое большое в Париже и одно из самых знаменитых в мире. Здесь, у него на глазах, расположилось семьдесят тысяч могил и упокоилось еще больше душ, напоминая, по какой причине он занимался своим делом, навевая мысли о матери.

Огромные главные ворота, вделанные в каменную нишу, не позволяли безрассудным головам опрометчиво проникать в эту мистическую обитель. Чуть подавшись вперед, Фрэнк даже мог различить вдаль могилу Элен и Пьера Депрожей³, а чуть правее воображение рисовало ему за вереницей деревьев надгробие Джима Моррисона⁴.

Он мысленно поклонился каждому из них и еще раз вздохнул. Все, ритуал окончен, загонщик может отправляться на охоту.

* * *

Я действительно подписала все страницы контракта? Что-то сомнительно, черт бы его побрал. Надо будет еще раз прочесть электронное письмо адвоката. Ой, я, наверное, забыла бумажку со списком первоочередных дел на день. Кстати, а сколько этому адвокату лет? Судя по формулировкам, он очень молод. Блин, формулировки! Я забыла попросить Кариму отправить Критео мейл с новой формулировкой касательно принадлежности данных и новый список первоочередных дел. Я вот сейчас думаю, но даже не знаю, что стало с Полем де Критео. Он проявил себя совсем неплохо, ему можно было бы даже предложить работу в отделе продаж телекоммуникационных продуктов, это влило бы новую кровь. На на на, на на на, I'm lookin' for new blood, на на на, на на на; yeah yeah yeah!⁵ Мажса права, Zayde Wolf действительно крут. Упс, о чем это я? Ах да, продажи телекоммуникационных продуктов. Если я не хочу в следующем квартале потерять должность, надо торопиться. А еще надо сходить на почту за новыми туфлями, иначе их отправят обратно в Германию. Неплохо было бы учредить службу курьеров, которые ходили бы забирать на почту посылки, я стала бы для них отличной клиенткой.

Раздался резкий, неприятный звук.

Эльга открыла глаза. То был сигнал к началу нового дня. «Да что же так рано-то, а!» – подумала она, на первой же ноте хватая смартфон. Затем выключила будильник и ткнула в кнопку приложения газеты «Монд». На экране тут же появилась новость номера.

Поскольку со сна у нее слиплись глаза, она моргнула, разгоняя перед зрачками туман, но заголовок никуда не исчез. Фото на черном фоне вполне могло служить обложкой для научно-фантастического романа-антиутопии. Моргнув во второй раз, а затем и в третий, она окончательно развеяла перед глазами утреннюю пелену, но информация от этого не претерпела никаких изменений.

Эльга решила сесть на кровать. Разум отказывался верить в произошедшее. Бессмыслица какая-то. В той утопии, в которую превратилась повседневная жизнь, этот размахивающий

³ Депрож Пьер (1939–1988) – французский юморист; Депрож Элен (1947–2012) – его супруга.

⁴ Моррисон Джим (1943–1971) – лидер и вокалист американской группы «The Doors».

⁵ На-на-на, на-на-на, я ищу свежую кровь, на на на; да-да-да (англ.) – Слова песни «Zayde Wolf».

кулаком человек представлял собой всего лишь карикатуру, блистательную музу для юмористов.

Эльга поставила ноги на паркет, устилавший всю ее квартиру, за исключением кухни и ванной. Затем пару раз прилично глотнула кислорода. Датчик отпечатка пальца разблокировал экран, и на нем опять появилась тема номера.

На смену обычной вселенной пришла альтернативная.

Она встала, немного одуревшая, и преодолела несколько метров, отделявших ее от ванной, на ходу пережевывая каждое слово заголовка. Все ее знания о мире, который она считала своим, пошатнулись.

Эльга по-быстрому приняла душ. По мере того как у нее прояснялось в голове, реальность приобретала все новые черты, хотя это еще и не повод отменять тщательно выверенные утренние основы.

Она давно продумала, проверила и признала годным каждый этап, отделявший ее от офиса. Сначала душ, от пяти до шести минут, в зависимости от температуры на улице, определявшей длительность ожидания, когда до крана доберется горячая вода. Затем одеться, от двух до трех минут, в соответствии с количеством предметов и сложностью составления из них единого ансамбля. Все наряды она готовила заранее, накануне вечером. Добавить сюда минуту, чтобы высохнуть, три на капельку макияжа и минуту про запас на всякие непредвиденные обстоятельства. В итоге Эльге, чтобы подойти к стратегическому моменту завтрака, с момента пробуждения требовалось от тринадцати до пятнадцати минут.

Благодаря тактическому расположению ванной между спальней и гардеробной Эльга даже подумывала о том, чтобы сократить этот срок на минуту, а то и на две, по сравнению с предыдущей квартирой. Радостная победа, с лихвой оправдывавшая переезд.

Покончив с ритуалом, Эльга опять подумала о передовице в «Монде». *Может, взломали их сервер?*

Предположение вмиг показалось ей совершенно очевидным.

– Что ни говори, а Путин-то силен! – произнесла она вслух с самым легким сердцем и улыбкой в уголках губ.

Эльгу охватило чувство, что ее обвели вокруг пальца, но это принесло облегчение. В конечном счете даже она, проработав двенадцать лет в транснациональных корпорациях в сфере цифровых технологий, могла попасться на удочку банальной пропаганды. Быстрый обзор международных СМИ сейчас подтвердит этот очевидный факт. Для начала заглянем в «Журналь де Монреаль». Она до такой степени любила Канаду, что для поддержания духовной связи с этой страной время от времени перечитывала их ежедневные издания.

«О Боже!» – красовался на первой полосе газеты вопль. В своем отказе принимать реальность Эльга перешла к передовице третьей газеты.

Статья в «Курье энтернасьональ» называлась «Апокалипсис уже сегодня».

В то, что сайты всех газет планеты одновременно подверглись пиратской атаке невидимой руки Кремля, как-то не верилось. Эльга яростно бросилась просматривать заголовки всех газет, какие только пришли ей в голову.

«Дом ужасов» – «Дэйли ньюс»; «Да простит Бог Америку» – «Эль периодико»; «Америка в руках агрессивного популизма Трампа» – «Эль пайс»; «Трампо-шок» – «Бостон глоуб»; «Трампокалипсис» – «Либерасьон».

Айфон у нее в руках завибрировал. Оповещение Вотсап – Мажа прислала ей сообщение.

«Ты видела!!!?»

«Да, но не уверена, что до конца проснулась. Неужели такое действительно могло произойти?»

«Фантастика на грани галлюцинаций, я тоже ничего подобного даже представить не могу».

«Расскажешь мне потом, что по этому поводу будут говорить в министерстве?»
«Заметано, бегу, целую ☺».

Эльга закрыла Ватсап, опять переключилась на вечернюю газету и просмотрела отчет о событиях минувшей ночи. Проследила всю хронологию, о которой сообщалось в режиме реального времени, и обнаружила там вперемешку свидетельства корреспондентов на местах, фотографии толп народа, рыдающих или ликующих, реакцию известных личностей в изложении агентства «Франс пресс», анонимные «твиты», а также комментарии какого-то Поля из департамента Кот-д'Армор или Мартины из «Национального фронта».

Эльгу охватило головокружение, так свойственное историческим моментам. Она вспомнила Всемирный торговый центр в 2001 году, Ле Пена на президентских выборах 2002-го, инвестиционный банк «Леман Бразерс» во время кризиса 2008-го и «Шарли Эбдо» в 2016-ом. В конце концов, если ты живешь во Франции и тебе тридцать пять лет, подобных поворотных моментов оказывается не так уж много. «Ну? Тебе понятно, что все это значит?» – спросила она, приканчивая свой кофе с молоком.

Подобную ситуацию она себе представляла, но не столько как возможную реальность, сколько как идею из мира кошмаров. Давно продумала сценарии отхода и контрнаступления, так что ее планы были давно готовы. Чувствуя себя гражданкой мира, Эльга могла собрать вещи, сесть в самолет и улететь на другой конец планеты. Да при этом еще и без труда сохранить работу, потому как работодатель оставлял за ней свободу выбора, позволяя работать, где ей заблагорассудится. Профессиональный статус избавлял ее от всех уз, хотя она никогда не думала, что это выйдет за рамки редких вечеров рассуждений о судьбах будущего мира.

Для нее это была всего лишь игра, чтобы немного себя попугать. Если другие задавались вопросом о том, что им придется делать в случае нашествия зомби, нападения инопланетян или ядерной войны, Эльга прокручивала в голове все перемены, которые повлечет за собой избрание главой Соединенных Штатов диктатора.

Но когда занавес поднимается и реальность уступает под напором игры, в полный голос заявляет о себе вымысел, переворачивая вверх дном все, что до этого казалось очевидным. Во время такой революции наступает мучительное осознание, тут же иницилируя процесс сопротивления. Как ни крути, но рефлекс в конечном итоге сводится к тому, чтобы понять, как вновь обрести потерянный рай.

На экране планшета все так же безостановочно шел видеоряд. Представитель отвратительного американца вскидывал над головой кулак. Эльга чувствовала себя так, будто ей лично бросили вызов. Впрочем, к ней это не имело никакого отношения. В конце концов, она была француженкой, а для каждого доброго галла, если он, конечно же, не чувствовал себя пупом Гексагона, всякая ерунда не имела значения.

Тридцатипятилетняя женщина, по праву считавшая себя счастливой, почувствовала, что пошатнулись ее самые глубинные ценности. Испытывая жгучую потребность в ободрении, она решила нынешним утром отступить от привычного ритуала и позавтракать в офисе.

Запирая дверь квартиры, Эльга знала – что-то изменилось. На свет появилось нечто новое, скрываемое не одно тысячелетие и запретное весь предыдущий век. Трамп опять распахнул ворота, к которым уже двигалась лавина.

* * *

Армия подразделений охраны порядка казалась непомерно большой.

Все свои силы уголовная полиция и эксперты-криминалисты сосредотачивали на преступлениях насильственного характера: убийствах, похищениях и пропажах людей. Причинение тяжких телесных повреждений относилось к ведению национальной полиции и трактовалось уголовно наказуемым проступком. Исторически общественный порядок во Франции

поддерживали одни, а розыском уголовников и организованной преступностью занимались другие. За исключением сегодняшнего дня, Фрэнк не мог вспомнить, чтобы уголовной полиции когда-либо поручали вести дело о причинении тяжкого вреда здоровью.

Подъехав к фасаду главного здания психиатрической больницы Святой Анны, он отошел на шаг назад. Этот дополнительный метр понадобился ему, чтобы во всей совокупности охватить взглядом странное заведение.

Двумя столпами этой внушительной архитектурной структуры – самой известной психиатрической больницы Парижа, приютившейся на восточной окраине Четырнадцатого округа на юге города, напротив квартала Мезон-Бланш, и прославленного Бютт-о-Кай, деревушки минувшего века с почвой, изрытой известняковыми карьерами – были чистота и порядок.

С самого своего основания в 1651 году она стала символом лечения психических заболеваний на французский манер. Глобальная симметрия, от которой захватывало дух, разделяла весь комплекс осью, где нашли приют подразделения, обеспечивающие общее функционирование больницы. Палаты, процедурные кабинеты, внутренние перемещения и даже расположение зданий были задуманы так, чтобы сама больница Святой Анны представляла собой неотъемлемую часть лечения пациентов. Этот медицинский центр следовал теоретической концепции Жана-Этьена Эскироля, отводившей богадельне роль активного элемента и действующего фактора терапии.

Больница Святой Анны родилась в эпоху глубинных преобразований в обществе. В те времена в лечении психических патологий наметилась революция. Ее цель теперь сводилась не к изоляции душевнобольного, а в его лечении с тем, чтобы потом обратно интегрировать в общество. Каждое строение этого пышного архитектурного ансамбля возводилось в ранг голема, принимающего участие в лечении пациентов и защите тех, кто в здравом уме.

Войдя в широкие сводчатые ворота, ведущие к центральному корпусу, превращенному в приемный покой, Фрэнк обнаружил там Лоране, которая как раз занималась распределением задач членам команды: выяснить личность жертвы, разобраться в образе действий преступника, допросить персонал больницы и свидетелей, провести предварительные криминалистические исследования.

Лоране повела его через анфиладу коридоров, через лабиринт пристроек, внутренних двориков и садов. Этими минутами шествия через века человеческих бед Фрэнк воспользовался, чтобы понять суть проблемы, которая будет занимать его ум все последующие дни.

– Сколько времени понадобится для идентификации?

– До конца дня точно. Его нашли совершенно голым, никаких личных вещей поблизости не оказалось. К тому же ему изувечили руки, поэтому воспользоваться отпечатками пальцев тоже не получится. Ни протезов, ни вставных стержней, ни пластин... в общем, придется составлять зубную карту.

– И что с ним сделали?

– Полной информацией я не обладаю, но знаю, что его пытали, может, даже всю ночь. Следы этого, в первую очередь глубокие порезы в различных местах, были обнаружены по всему телу. Ему отрезали выше локтя правую руку, а также гениталии.

– Ни хрена себе леченьице, – бросил Фрэнк, не пытаясь выдать эти свои слова за ответ.

– Это еще не все. Под конец преступник подверг его процедуре, очень напоминающей лоботомию.

– Лоботомию?

– Как только у меня появятся более подробные сведения, я тебе сообщу. Но это еще не самое странное. Я хоть и сказала, что он был совсем голый, с технической точки зрения это не совсем так.

– Как это? – спросил Фрэнк, замедляя шаг, чтобы пойти бок о бок с Лоране.

– У него на лице была маска – каменная штукovina, напоминающая те, которые можно увидеть на каком-нибудь карнавале, только старая, если, конечно, не древняя.

– Маска... – повторил он.

– Ее прибили гвоздями прямо к лицу.

Фрэнк разложил по полочкам в голове все полученные от Лоране данные. Теперь понятно, почему Ванно поручил ему это расследование. Невероятная жестокость, продемонстрированная преступником, и особенно пытки сами по себе подразумевали возбуждение уголовного производства. Кроме того, место совершения злодеяния и маска предполагали, что эти сообщения были оставлены полиции специально и что расследование окажется гораздо дольше и сложнее по сравнению со случаями обычного причинения тяжких телесных повреждений. Именно поэтому дело поручили Фрэнку и его команде. Ванно хотел удостовериться, что дело, от которого исходил мерзкий запах, действительно возьмут в свои руки специалисты.

– А где его пытали, известно?

– В том самом помещении, где он был найден. В большом здании, которое вот уже несколько лет пустует. На следующей неделе там должны начать ремонт. Жиль занимается фото- и видеосъемкой, Марион описывает место преступления.

– Кто его нашел?

– Некий доктор Гбетро, врач, дежуривший прошлой ночью. Сорок пять лет, из них десять в этой больнице, ранее ни в чем предсудительном замечен не был, признаки того, что он как-то связан с этим делом, отсутствуют. Танги сейчас пытается выжать из него все, что можно, но он, похоже, чист.

– Как он на него наткнулся?

– Без малого в семь утра он, возвращаясь домой после ночной смены, направился к западному служебному выезду из больницы. Его путь пролегал недалеко от заброшенного крыла больничного комплекса.

Чтобы указать точное место, Лоране ткнула пальцем в конец галереи, по которой они размашисто шагали.

– И там услышал сдавленные крики, доносившиеся с верхних этажей.

Сквозь каменную колоннаду постепенно проглядывала запущенная пристройка. Ее внешний облик тяготел к течению научной архитектуры, популярному в конце XIX века. Чувствовалось, что автор проекта стремился к симметрии и простоте всего комплекса.

– Дверь пришлось выломать, – объяснила Лоране, показывая на борозды в дереве вокруг металлического запора, – замок, как видишь, старый, и, чтобы вскрыть его, никакие особые навыки не нужны. К тому же мы находимся в отдаленном углу территории больницы, который не покрывают камеры видеонаблюдения.

– Пусть Жиль над этим поработает и просмотрит данные на всех, кто мог знать обо всех этих разрозненных элементах: о заброшенном здании, о двери, о системе видеонаблюдения.

– Да, он уже в курсе, но для этого понадобится время, ведь таких может оказаться не одна тысяча.

Поднимаясь по ступеням широкой каменной лестницы, Фрэнк внимательно вглядывался в облупившиеся стены. Краска, когда-то белая, теперь повсюду отваливалась. Окна по-прежнему пропускали яркий, слепящий свет, едва сдерживаемый слоем пыли и грязи, достойным шедевра Тоуба Хупера⁶.

Проводя рукой по массивным деревянным перилам, Фрэнк чувствовал бремя Истории, вокруг них чуть ли не выростали тени прошлого. Он повернулся к Лоране, чьи белокурые волосы самым поразительным образом выделялись на фоне скорбного, обветшалого здания.

⁶ *Купер Тоуб* (1943–2017) – американский режиссер, сценарист и продюсер, специализировавшийся на фильмах ужасов.

– Продолжай. Что же наш доктор сделал дальше?

– Увидев, что дверь вскрыта, он позвонил со своего телефона в службу безопасности и вошел – попытаться определить источник криков.

– Не дожидаясь охранников?

– По его словам, он понял, что кричит человек, оказавшийся в самом бедственном положении, и посчитал своим долгом как можно быстрее прийти к нему на помощь.

– Что было потом?

– Источник шума пришлось искать несколько минут. Помещение утопало во мраке, там никого не было, электричество не работало. Органы восприятия сбивало с толку акустическое эхо. Двигаясь на ощупь, он добрался до палаты триста четырнадцать на третьем этаже и там нашел нашу жертву. Попытался ей помочь, но когда попробовал снять маску, тут же понял, что случилось что-то страшное. Несколько мгновений спустя прибыла охрана. Выяснив, что раны жертвы серьезнее некуда, они вызвали полицию.

– Как он все это пережил?

– Доктор в шоке. Странно наблюдать, что этот здоровяк под два метра ростом и центнер весом, проработавший в психушке десять лет, до такой степени потрясен увиденным.

– Уж ты наговоришь! – бросил Фрэнк, с трудом переводя дух.

Последние ступеньки напомнили ему о возрасте.

Они с Лоране поднялись на третий этаж. Марион, суетившаяся в коридоре у входа в триста четырнадцатую палату, махнула Фрэнку рукой, который ответил ей тем же и пропустил ее внутрь.

– Привет, патрон.

– Здравствуй, Марион.

Под началом Фрэнка девушка стала работать полтора года назад. В составе его команды ей, как судмедэксперту, поручалось анализировать место каждого преступления. Она дольше большинства других просидела на университетской скамье и приобрела сразу несколько специальностей, написав по каждой из них диссертацию. В ее арсенале было несколько методик идентификации, в первую очередь одонтологическая, а также морфологический анализ следов крови.

Она вымахала будь здоров и была выше их всех, в ряде случаев на целую голову, а то и на две. Это придавало ей какой-то нескладный облик, будто она не всегда могла в совершенстве владеть своими ходулями. При этом, надевая халат, маску и натягивая перчатки, она демонстрировала несравненную точность. К Марион Фрэнк питал самые теплые чувства, особенно когда узнал, что девушка не собирается оставаться в полиции. Ей хотелось совершить кругосветное путешествие. «Через год-два, – заверяла она, – когда вы больше не будете во мне нуждаться». А в действительности – когда ей больше нечему будет учиться. Фрэнк необыкновенно ценил эту оригинальность, лишённую амбиций, не имеющую ничего общего с личным успехом.

Дверь в палату была сделана из толстой деревянной пластины и для усиления пропитана защитным слоем. Посередине в ней вырезали отверстие, обеспечивавшее обзор внутренностей помещения. От любопытных ее ограждала металлическая решетка. В ней имелось три замка – внизу, вверху и посередине. Все ржавые – их как поставили когда-то, так больше и не меняли.

Фрэнк переступил порог и огляделся по сторонам. Он стоял в небольшой комнатенке площадью шесть квадратных метров. На полу – невзрачная плитка, та же облупившаяся белизна, что и на стенах, вокруг – едкий запах плесени, пота, блевотины и крови. В нескольких местах виднелись ее свежие пятна.

– Сориентируешь меня? – спросил Фрэнк, повернувшись к Марион.

– Мужчину привязали посередине. – Она показала на железный, побитый ржавчиной стул. – На нем видны многочисленные следы вытекания из организма различных жидкостей.

Также мы обнаружили много крови. Здесь, здесь и вот здесь. – Она по очереди показала на середину комнаты, на стену справа от них и за стулом. – Под стулом ее тоже очень много, вероятно, из-за ампутации гениталий.

Фрэнк застыл на пороге, двери, не рискуя затоптать что-нибудь на месте преступления. Марион обозначила проходы к каждому уголку комнаты. Ей приходилось совершать странные движения, выгибаясь и перешагивая через какие-то участки. Порой казалось, что девушка пошатывается, хотя на самом деле это была демонстрация образцовой ловкости, позволяющей действовать в наиболее значимых зонах, которые надо было сохранить нетронутыми.

Она вышла на середину комнаты и продолжила доклад:

– Следов немного. Преступник постоянно кружил вокруг жертвы и расхаживал по всей комнате. Что до размера обуви, я бы назвала тридцать девятый, может сороковой, с плоской подошвой без всякой рифленки. В левом углу есть еще один след, насколько я понимаю, там прямо на пол ставили рюкзак.

– Преступник, стало быть, среднего, а то и небольшого роста, так?

– Вполне возможно.

Марион дала Фрэнку несколько секунд, чтобы оглядеться. А когда он внимательно осмотрел каждый указанный ею элемент, тут же продолжила:

– Что касается стен, то здесь все несколько сложнее. Они просто в ужасном состоянии. Обследовать их и отделить интересующие нас фрагменты от остального будет очень трудно.

Расставленные по четырем углам прожектора заливали палату ярким искусственным светом, подчеркивая крохотные тени, порождаемые облупившейся на всех поверхностях краской. Те плясали на стенах, казавшихся шероховатыми и неровными, создавая пеструю, органичную расцветку.

– Спасибо.

– И последнее, патрон.

– Говори.

– Пытка продолжалась долго. Очень долго. Я обнаружила значительное количество пятен крови на разных стадиях коагуляции. Его, похоже, мучили всю ночь.

Фрэнк сделал глубокий вдох, а вместе с выдохом выпустил из себя все подсознательные ощущения: ярость, буйство, заточение, пытка, ампутация, месть, безумие, маска, чтобы скрыть лицо, а может, и индивидуальность. Все то, что инстинкт подсказал ему в качестве первых фрагментов.

Простояв минут десять на пороге палаты, чтобы внимательно все осмотреть и представить невыносимую муку жертвы, он наконец заговорил. Перед этим Фрэнк мысленно составил первый набросок произошедшего. Представил тень, часами пытавшую бедного малого. С этой минуты ему надо было как можно быстрее понять почему.

– Теперь за дело, свистать всех наверх! – бросил он, обращаясь ко всем, но в первую очередь к себе.

Глава 3

Каль Доу открыл дверцу, соблюдая все возможные предосторожности и стараясь как можно меньше ее касаться. Посредством самого банального контакта передавались сотни болезней, а в этих машинах кто только не ездил. Ухищрения в его случае превратились в рефлекс, и он, даже не задумываясь, пользовался ими в совершенстве.

Он вытащил носовой платок, постоянно лежавший у него в кармане и защищавший его от металла ручки и дверцы.

Потом незаметным движением его убрал, схватил багаж и направился к входу в зал для VIP-пассажиров.

В терминале 2F аэропорта Руасси – Шарль де Голль царил такая же суета, как в супермаркете накануне Рождества. Скопления людей разлетались в разные стороны, словно цунами, местами оставляя после себя ядовитый запах пота, кофе или гнилых зубов, а то и всего вместе.

Каль зашагал прямо к серпантину, ведущему к выходу на посадку. Сталкиваясь с кем-то, он не утруждал себя попытками отойти, принуждая к этому других. На самолете ему приходилось летать как минимум дважды в неделю, и просидеть в Париже семь дней подряд ему удавалось редко. Его профессиональные нужды прекрасно сочетались с внутренней потребностью продемонстрировать по всему миру свою власть.

Он подошел к молодой женщине, в обязанности которой входило разводить в разные стороны толпу, предъявил ей платиновую бонусную карту постоянного авиапассажира и через несколько секунд уже стоял у контрольной стойки охраны.

Ждать Каль не любил, считая свое время неизмеримо большей ценностью, чем окружающих его людей, – весьма древний социальный маркер, который он считал делом чести тщательно поддерживать. Терпению полагалось играть важную роль для среднего класса трудяг, но отнюдь не для таких, как он.

Контроль прошел быстро, точностью Каль тоже очень дорожил. Все предметы, в отношении которых требовалась проверка службы безопасности, располагались в строго отведенных им местах и в надлежащем порядке. Минут через десять после приезда в аэропорт он уже входил в зал выхода на посадку, вступая в непростой, деликатный мир.

Каль летел в Канн на Всемирный фестиваль рекламы. Тем утром на борт лайнера «Airbus A321» вылетом в 8 часов 25 минут предстояло подняться его многочисленным коллегам – мужчинам и женщинам, трудившимся в сфере рекламы, маркетинга и цифровых технологий. Все они символизировали собой небольшую семью – счастливый плод глобализации. Семью очень разнородную, не объединенную ни общими верованиями, ни культурой, ни историей, но при этом понимающую правила игры и умеющую ориентировать их на получение прибыли. В глубинах этого микрокосма Каль воплощал собой признанного профессионала, вызывавшего восхищение, но в первую очередь – зависть. Он привлекал к себе взгляды, а самые дерзкие, как правило, старались вступить с ним в контакт.

Каль ненавидел терять попусту время, в том числе и на обмен банальностями с посредственностями, неспособными удержаться от того, чтобы на несколько секунд, а то и минут, завладеть его вниманием. Он ступал на территорию, где его толкали вперед амбиции. Юные годы позволили Калю составить ясное и однозначное представление о человеческом роде, которое, по большому счету, давно и по праву наполняло его холодным отвращением. Это касалось как физических обязательств, сотканных из плоти и крови, так и общественных, которые, собственно, и составляли человечество. Он балансировал на грани анархизма, при котором больше ничем не сдерживаются отношения с позиций чистой, идеальной силы.

Еще издали Каль заметил несколько знакомых лиц.

Первое из них принадлежало мужчине хрупкого телосложения с лысым черепом, в плохо скроенном костюме и старомодных очках. Каль относил его к разряду чиновников. Людей он классифицировал точно также, как сегменты маркетинга. С одной стороны, это было для него игрой, чем-то вроде интеллектуальной гимнастики, позволяющей постоянно подвергать проверке способность выделять в человеке главное, с другой – реакцией психики на полную неспособность запоминать имена, несмотря на отличную память. Поэтому фамилии коллег ему заменяли их общественные стереотипы.

Чиновник тоже перво-наперво увидел Каля. Его лисья физиономия отличалась резкими, бросавшимися в глаза чертами, наверняка представляя следствие культурного дарвинизма. Он был пиявкой, вечно жаждавшей к кому-нибудь присосаться. Не из потребности в человеческом общении, а потому, что другие обладали способностью платить. Счета за понесенные им расходы никогда не превышали двадцати евро, у него давно вошло в привычку в любой компании падать на хвост.

Широко улыбаясь и вытянув вперед правую руку, он направился к Калю.

– Как поживаете, месье Доу? Давненько мы с вами не виделись.

Его блаженная улыбка разбивалась о ту бесполезность, которую он представлял собой в глазах Каля.

– Сожалею, но у меня нет времени, – ответил тот и зашагал дальше своей дорогой, не то что не пожав ему руки, но даже не посмотрев.

Чиновник его почти даже не задержал, словно размазанный на ветровом стекле автомобиля комар.

От него, как и от его дешевой улыбки, остался лишь комок зеленоватой желчи. Каль спиной почувствовал его смущение.

Подойдя к киоску, за которым начинались стойки регистрации «Эйр Франс», он остановился. Среди сладостей, снежков, игрушек, хай-фай наушников и аксессуаров для сна в скрюченном положении притаилось и несколько ежедневных газет.

В тот самый момент, когда он схватил с прилавка международной прессы «Уолл Стрит джорнел», ему на плечо легла неведомая рука. Позвоночник прострелило молнией.

Его позвал сторонник Саркози:

– Как твои дела? Глядя со спины, я думал, что обознался. Куда ты пропал?

Под его носом, слишком длинным и тонким, привычно блуждала плотоядная улыбка. Он протянул правую руку.

Каль в ответ тоже улыбнулся, но при этом показал глазами, что у него заняты руки. Сторонник Саркози убрал ладонь и сделал вид, что это его ничуть не задело.

– Я все так же заседаю в исполнительном комитете. А как твоя компания? Аналитики предсказывают вам светлое будущее.

– Мы немного укрупнились и теперь делаем все, чтобы продолжать в том же духе.

– Кто бы сомневался! С несколькими десятками миллиардов доходов вам наверняка есть из чего выстроить мощную защиту.

Каль посмотрел на него с улыбкой, за которой проглядывала легкая угроза.

– Она и правда мощная. А ты как? По-прежнему трудишься на Драхи?

– Да, сейчас с головой ушли в перекупку. Мы до такой степени разрекламировали банки, что теперь они больше не в состоянии нам отказать.

– Расскажешь мне об этом в Канне.

Каль кивнул ему, давая понять, что ему надо заплатить за газету.

– Конечно. Там и увидимся.

Газету Каль положил рядом с собой на столик в кафе посреди терминала. Стокмана он заметил только в тот момент, когда тот сел через пару стульев от него. Они поздоровались

взглядами, больше не добавив к ним ни слова, ни жеста. Стокман выбивался из стаи остальных охотников, проявляя интерес исключительно к американским стартапам в сфере цифровых технологий и то только, когда они переходили в категорию В, и лишь в очень редких случаях предприятиям из категории С. После этого он прилагал все усилия, чтобы отправить непосредственно основателю проекта электронное письмо, и предлагал свои услуги по открытию филиала во Франции.

В свое время он был первым во Франции сотрудником «Гугл», затем «МайСпейс», «Скайп», «Фейсбук» и «Слэк». Дождался начала торгов ценными бумагами на бирже, как правило, года через два-три после его появления, продавал принадлежавшие ему акции, уходил из компании и подыскивал себе новую цель.

Ему еще не исполнилось и сорока лет, а он уже был мультимиллионером и мог в любой момент бросить работу. Но зачем? Ведь в карман можно было положить и другие миллионы.

Этот человек не только входил в касту, но и выступал в роли этакого знаменосца, человека, о котором рассказывают легенды самым молодым, дабы объяснить, зачем вообще это все надо.

Каль первым поднялся на борт самолета и устроился в самом первом ряду. Затем положил под сиденье кейс, а дорожную сумку на колесиках с выдвигной ручкой засунул в багажный отсек. Но не успел еще даже вытянуть ноги, как к остальным местам уже выстроилась очередь. У него за спиной.

Ожидая, пока устроится чернь, он открыл «Уолл Стрит джорнел». Победе Трампа газета посвятила восемь полос.

Каль чувствовал витающие в воздухе перемены. После появления социальных сетей, сообщений из ста сорока символов, равенства точек зрения университетского ученого и какого-нибудь Кевина из парижского пригорода Сен-Сен-Дени, опять стали заявлять о себе хозяева, раздувая костер невежества и злобы.

В унисон с соотечественниками по всему миру Каль выпячивал грудь. У них вырисовывался новый герой – идеальное сочетание десятилетий забвения и неутомимого труда ради возрождения гадины⁷.

Человека слева от себя он не знал, но в ряду справа узнал евангелиста и аристократа, которые вели между собой оживленную беседу. Евангелиста можно было определить по стилю – что-то среднее между калифорнийским инженером и нью-йоркским хипстером: куртка поверх футболки с намеком на поп-культуру восьмидесятых годов, джинсы и белые кроссовки без носков. *Цифровой пророк*, которому если чего-то и не хватало, то это прически Дэвида Шинга⁸. Аристократа определяли по драгоценному перстню-печатке. Он был старшим отпрыском рода и носил его на безымянном пальце левой руки вместе с обручальным кольцом.

Средним и младшим его печатку полагалось носить на мизинце правой. Калю в который раз пришлось признать, что эти два паяца опровергали справедливость поговорки, гласящей, что по одежке не судят.

Перед Калем возникла некоторая толчея. Его несколько раз побеспокоили, задевая то за коленки, то за ступни.

Он вернулся к чтению.

Прессу он не любил – как сейчас, так и раньше. В его глазах ее представляли интеллектуалы, слишком ограниченные, чтобы сколотить состояние, но все же недостаточно глупые,

⁷ По всей видимости, автор намекает на фашизм, используя французское выражение *bete immonde* (гадина), которое стало символизировать нацизм после публикации Бертольдом Брехтом пьесы «Карьера Артуро Уи».

⁸ *Шинг Дэвид* — австралиец, с 2007 по 2019 занимавший руководящие посты в корпорации «America Online» (AOL). Считается гуру маркетинга и рекламы, прическа придает ему сходство с дикобразом.

чтобы закрывать глаза на человеческую жизнь. Горстка злобных типов, тративших свое время на очернение тех, кто смирился с жестокостью мира.

Это был вопрос отнюдь не политического порядка.

Строго с точки зрения отношений с позиции силы, с одной стороны, наличествовали утописты, выступавшие за безмятежные, уравновешенные и спокойные взаимоотношения между людьми, с другой – Каль и ему подобные, кто не отрицал физического, нравственного и физического насилия.

Они представляли великое многообразие форм и оттенков: фашисты, консерваторы, коммунисты, реакционеры, фундаменталисты, радикалы, правые экстремисты.

Помимо прочего, в большинстве случаев они выступали с противоположных идеологических позиций, но сходились в главном: в популистском стремлении поработать других.

Из горьких размышлений его вырвал чей-то голос:

– Здравствуй, Каль, ты меня, может, и не помнишь, но в прошлом году мы встречались в Германии, на международной выставке-конференции по цифровому маркетингу.

Проследив за рукой, протянутой ему под самый нос, Каль поднял глаза и увидел человека, произнесшего эту фразу. Перетаптываясь с ноги на ногу, перед ним стоял технар, жаждавший занять свое место.

Каль помнил их встречу в сентябре прошлого года в Кельне. Он являлся типичным образчиком французского элитаризма. Представляясь незнакомому человеку, он обязательно присовокуплял к имени фразу «выпускник высшей политехнической школы». *И таскал за собой* повсюду полученное образование, как аристократ свою приставку «де». Каждая каста демонстрировала свои собственные, присущие только ей условности.

– Да, я тебя помню, – ответил Каль, не без некоторого отвращения пожимая парню руку.

– Неплохо бы пропустить по стаканчику на «Каннских львах».⁹

– У меня не будет времени.

– Да?.. Ну ладно. Может, тогда в Париже?

– Может быть...

Каль опять уткнулся в «Уолл Стрит джорнел», технарь прошел дальше, стараясь скрыть раздражение за утонченностью манер.

Ему надо было подготовиться к вечернему выступлению, о котором его попросил организатор Международного фестиваля рекламы – одного из самых престижных мероприятий в сфере маркетинга и коммуникаций, проводившегося в том же самом дворце, где за месяц до этого проходил Международный Каннский кинофестиваль. На смену стразам и блескам седьмого искусства, на смену Стивену Спилбергу, всяким там Джорджам Миллерам, Пакам Чхан-Укам и Полам Верховенам приходили истинные, могущественные хозяева, воротилы бизнеса, тоже жаждавшие устроить выход на публике и кусить немного гламура.

И его, как вице-президента и исполнительного директора компании «КМО», «Компании маркетинга и операций», одной из крупнейших французских рекламных групп, попросили поделиться своим видением перемен в мире цифровых технологий.

Калю обязательно надо было их вдохновить.

К основной просьбе присовокупили и дополнительную: описать пройденный им путь и объяснить, как он стал одним из самых влиятельных французов в области маркетинга. Подобный перечень обязательств не представлял собой ничего сложного и особой оригинальностью тоже не отличался. Каждый год Каль проводил на ту же тему с полсотни конференций по всему миру. А если добавить сюда и сотню письменных интервью, то эту пьесу, можно сказать, он разыгрывал уже очень много раз.

⁹ Международный творческий фестиваль «Каннские львы» считается наиболее авторитетным фестивалем производителей рекламы.

Все сводилось к тому, чтобы подчеркнуть два притягательных момента – очарование того, кто преуспел, даже если все ненавидят его за то, что он собой отражает, и очарование тщетности, даже если она терроризирует нас тем, на что может открыть глаза.

Самолет набрал высоту, принял горизонтальное положение и выровнял скорость. Каль воспользовался этим, чтобы вытащить из кожаной сумки ноутбук. Затем набросал в общих чертах выступление, включив в него темы, на которые обычно говорил, и украсил их парой личных мазков касательно этапов своей карьеры. От аудиторий университета Париж-Дофин до членства в исполнительном комитете международной корпорации его история звучала поистине прекрасно, особенно для сироты, которого с самых юных лет взяло на попечение государство, ведь даже его фамилия, и та была вымышленной, позаимствованной у безмянных подкидышей-американцев.

Потрудившись полчаса над тем, чтобы собрать в кучу мысли и записать несколько красочных моментов, призванных немного зарифмовать его проповедь, Каль мысленно расслабился и внимательнее присмотрелся к незнакомцу слева. Порядка пятидесяти лет, сидящий, безупречный; сшитый по мерке английский костюм; наручные часы из ограниченной, авторской серии – в нем сразу можно было безошибочно определить банкира, еще одного представителя их круга. Наверняка вице-президент инвестиционного банка, для чего у него имелись все аксессуары. Живи Каль не нынешней своей жизнью, а какой-то другой, такой человек наверняка внушал бы ему зависть.

Но Каль предпочитал джинсы, кроссовки и сексуальных стажеров.

Глава 4

Эльга приложила бейджик к магнитному считывателю у неприметной входной двери.

Лишь посвященные знали, что под небольшой табличкой «*Мне везет*» посреди Лондонской улицы за престижными парижскими бутиками расположился вход в национальный филиал одной из самых могущественных корпораций нового мира. Прочная, тяжелая дверь вела во внушительного вида особняк, в котором расположились офисы «Гугл Франс». Этот символ современности и перемен приткнулся в роскошном здании Девятого округа, построенного в эпоху барона Османна больше ста лет назад.

Скромность в этом деле играла немаловажную роль, ведь выставлять напоказ богатство не согласовывалось с ценностями, которые исповедовала компания.

Эльга поздоровалась с Домиником, охранником, который проверял, чтобы у каждого, кто переступал порог, для этого имелось разрешение. Она машинально показала ему свой бейджик с фотографией, и он так же машинально ей кивнул.

По рассеянности она не заметила как за ней, мелькнув на фоне открытой двери, скользнул хрупкий силуэт. Доминик перекрыл ему дорогу и потребовал показать документ, его акцент явственно выдавал восточные корни.

Эльга пошла дальше и увидела молодую стажерку, пришедшую на прошлой неделе. Девушка съезжилась под холодным, решительным взглядом Доминика.

– Прошу прощения, извините, я сейчас найду бейджик, – сказала она, яростно шаря правой рукой в глубокой, чуть ли не хозяйственной сумке.

Сменялись одна другой секунды, а Доминик не двигался ни на миллиметр, напрягая мышцы и не сводя глаз с сумки девушки. Наконец, она с победоносным видом вытащила бесценный «сезам». Он довольствовался лишь тем, что пропустил ее во внутренний дворик и напоследок сказал:

– Все должны предъявлять на входе бейджик.

Эльга тоже прошла вперед и миновала застекленные двери главного входа. Справа стояли с полдюжины мягких, выполненных в стиле ар деко кресел, образуя удобный уголок, где посетители дожидались тех, кто их пригласил, перед тем как пройти в офисы сотрудников.

В «Гугле» не работают, там либо изобретают, либо сотрудничают. Слева располагалась длинная стойка ресепшена, у которой посетители и клиенты сообщали о цели своего визита. Их принимали две девушки, блондинка и брюнетка, всегда улыбающиеся, всегда элегантно и нарядно одетые. В помещении, заливаемом яркими лучами естественного света, стояла теплая, навевавшая покой атмосфера.

– Привет, девчонки! Как она с утраца жизнь? – спросила у них Эльга.

– Если не считать, что на выборах выиграл придурок, то ничего, – ответила брюнетка.

– А ты как? На улицах не слишком много народу? На работу смогла добраться? – задала ей встречный вопрос блондинка.

– Нет, что ты! Только вот в воздухе витает запах серы.

Она провела бейджиком по магнитному считывателю внутренней двери, повернула направо и направила стопы в столовую – местную достопримечательность.

Эльга до сих пор помнила свой первый день в «Гугле». Для каждого «гуглера» (или, на французский манер, «гуглёра»), первое посещение столовой оставляло в памяти самые яркие воспоминания. А для француза, пожалуй, и по-прежнему. От сочетания культурной гастрономии и гордости принадлежать к привилегированному классу, природная галльская экзальтация усиливалась в десять раз.

Бесплатное питание давно представляло собой особый устоявшийся, укрепляющий глобальные узы между сотрудниками компании, которых «мы холим и лелеем, потому как они лучшие в мире и заслужили самого лучшего к себе отношения».

Тренажерный зал, музыкальная комната, библиотека, гостиная, комната для послеобеденного отдыха, маникюр, массаж и, конечно же, бесплатное питание, приготовленное, само собой разумеется, шеф-поваром.

Эльга взяла поднос, поставила на него блины, только что приготовленный смузи, фруктовое ассорти и «этический» кофе с экологически чистым молоком. Застыла в нерешительности, раздумывая, не взять ли еще и омлет с грибами и поджаренными до хрусткой корочки овощами, но испугалась, что это уже будет перебор.

Усаживаясь за стол, она столкнулась со стройной, красивой женщиной лет тридцати, с которой они порой «сотрудничали» по вопросам, связанным с операторами кабельных сетей.

– Ты уже видела конкурс на третьем этаже? – спросила ее соседка.

– Нет, я еще туда не поднималась. Сначала завтрак, и только потом мозговой штурм.

– Тогда еще увидишь.

– Давай, выкладывай, ты меня заинтриговала.

– Никогда не думала, что Трамп может обладать таким творческим потенциалом...

– Вот теперь ты уже не на шутку пробудила во мне любопытство!

Высокая блондинка улыбнулась и ушла.

Эльга окунулась в чтение поступившей ночью электронной почты. В самом начале она обожала читать письма с пометкой «Misc_fr», в которых каждый сотрудник компании мог задать какой угодно вопрос или высказать любое замечание. Когда их ровным счетом ничто не сдерживало, эти избалованные дети выражались во всю мощь своих легких.

Эти послания представляли собой квинтэссенцию человеческой природы, в них обнаруживались дискуссии на любые темы – от самых пустых до самых серьезных.

В одном из них, к примеру, фигурировал вопрос о том, нельзя ли приводить на работу детей не только по средам, но и в другие дни. Мнения тут же разбились на два лагеря. Те, у кого были дети, дипломатично объясняли, что порой им жизненно необходимо приходить в офис с потомством. Бездетные же вопили в электронных письмах, что их покой свят, и выдвигали на первый план проблемы гигиены, создаваемые ребятей. Автор последнего сообщения в ответ на это рискнула напомнить, что собак в офис допускают, но бездетные тут же выдвинули аргумент в том смысле, что собаки не шумят...

Такого рода общению приличествовала традиционная американская вежливость, но за гладким, учтивым фасадом переписки, состоявшей из более двух сотен писем, таился непреодолимый раскол, и взаимопонимание выглядело недостижимым. Выигрывали на этом поприще всегда консерваторы.

* * *

Фрэнк положил на стол посередине передвижной лаборатории папку с делом Филиппа Сильвы. На данный момент у них практически не было ничего стоящего. Им повезло идентифицировать жертву по зубной карте – для этого в конечном итоге хватило пары часов.

Несколько листов дела описывали мужчину немного за сорок, девять лет состоявшего в браке и имевшего двух детей – пяти и трех лет от роду. Он жил недалеко от парка Монсо в Семнадцатом округе и занимал высокий пост в одной из транснациональных корпораций. Квартира в классическом квартале молодых пар, привыкших жить на широкую ногу, классические хобби, классическое общественное окружение, классический состав семьи.

Филипп Сильва был абсолютно непримечательный человек без каких-либо видимых шероховатостей, и вопрос «почему именно он» отнюдь не подразумевал очевидного ответа.

Чтобы оценить масштаб возможных последствий, его на время погрузили в искусственную кому. На теле жертвы, конечно же, остались самые впечатляющие следы долгих пыток, но еще важнее было определить глубину повреждений, вызванных лоботомией, а также выяснить, какой доли рассудка лишился пострадавший.

Задача обещала быть трудной, потому как о роли, которую играет та или иная часть мозга, имелись лишь самые общие представления.

Для допросов реквизировали два помещения в отделении интенсивной терапии, соседствовавшие с палатой, в которой медицинская бригада оказывала жертве помощь.

Жиль, Марион и Танги трудились над различными элементами, каждый на своем поприще. Если Марион проясняла вопросы медицинского свойства, то Жиль, не знавший себе равных в использовании самых современных цифровых технологий, прорабатывал технические аспекты, в том числе видеосъемку. Что касается Танги, то он, мастерски владея искусством вести допрос, из всей их команды лучше всех умел влезть в шкуру другого человека и вытащить информацию даже из самого норовистого свидетеля. Цель всех их действий заключалась в том, чтобы наметить для начала направление, а потом двигаться в этом направлении дальше.

Фрэнк и его команда подчинялись НБУР – Национальному бюро уголовных расследований. В этом качестве в их распоряжении имелись последние достижения в сфере биологических и технических экспертиз.

К этому Фрэнк добавил и личный штришок, создав передвижную лабораторию, которую меньше чем за час можно было развернуть на месте преступления. За основу при разработке этого уникального, единственного в своем роде большегрузного автомобиля взяли старый образец БИЖКЖ – Бюро идентификации жертв катастроф при жандармерии. Потом новобранцы целое лето его переделывали под нужды криминалистической специфики. В итоге Фрэнк и его люди получили высококомобильный комплекс, позволявший не тратить время на транспортировку и хранение образцов и, таким образом, значительно сокращавший время на анализы. Между собой они любовно называли его «Мистери-Машиной».

Фрэнк на самом раннем этапе сделал выбор, позволявший ему добиться свободы действий, уникальной для всех органов охраны правопорядка. Элита Национальной полиции формировалась в аудиториях Высшей полицейской школы в Сен-Сир-о-Мон-д'Ор. Окруженный со всех сторон будущими высокопоставленными чиновниками, он решил работать «на земле» и предпочел вертикальной карьере горизонтальную. Подобный выбор был совершенно немислим для других, которые, жертвуя собой в стремлении к вершине, все больше желали оказаться за одним столом с генералами.

Если же говорить о Фрэнке, то ему для завоевания своей территории понадобилось двадцать пять лет безупречной работы и создание самой впечатляющей во всем Гексагоне картины охоты на преступников. Он знал все громкие дела уголовного мира Парижа за последние двести лет и очень рано погрузился в статистику убийств в Городе света. В них обнаруживались весьма разнообразные специфические особенности. Парижане предпочитали убивать в выходные, чаще всего пользуясь холодным оружием, редко огнестрельным и никогда не прибегая к яду. Треть жертв погибала в результате скандалов между соседями – иллюстрацией абсурдности их паршивого характера.

Он для того и добился права создать собственную команду, чтобы играть по собственным правилам. Ему отказали – рефлекторно, по привычке, следуя традициям касты. Тогда он подал в отставку. Начальство разозлилось и ему отказало. В конце концов его требование создать команду «по мерке» получило одобрение – с испытательным сроком на год.

С тех пор прошло десять лет.

Фрэнк стал чем-то вроде лаборатории по выращиванию кадров уголовной полиции. Он для пробы предложил новый тип подразделения, подчинявшегося непосредственно НБУРу.

Через полгода после своего создания экспериментальная команда Фрэнка, его «инкубатор», раскрыла два «деликатных» дела. Осуждение сменилось подозрениями и страхом. Когда Фрэнк представил план перевести «ясли» на постоянную основу, высокопоставленные полицейские чиновники – бывшие друзья по полицейской школе – слушали его, поднимали брови, придавали лицу вопросительное выражение, но отказать в решающий момент так и не смогли. В карьерном росте он был оригинал, долго оставался сначала инспектором, а потом комиссаром, причем не из-за отсутствия результата, а в силу внутренней потребности.

Теперь у Фрэнка было собственное подразделение, которое университетские преподаватели назвали бы кафедрой, хотя между домом 36 по набережной Орфевр и студенческой аудиторией не было практически ничего общего. Он эксплуатировал свежесть, наивность и творческий потенциал своих подчиненных – эти оборонительные сооружения, которые молодость воздвигает против вечного бега неумолимого Рока. Они служили мощным фильтром, всегда позволявшим смотреть новым взглядом в обход ментальных барьеров опыта и мудрости.

Свою команду он регулярно обновлял, за пару недель подыскивая совершенно нового человека. Бывшие ее члены уходили, чтобы, в свою очередь, возглавить уже свои собственные подразделения. Приобретая опыт в недрах лучшей структуры уголовной полиции страны, они могли выбирать то, что дорого их сердцу, потому как перед ними после этого распахивались все двери. Рядом с ним неизменно оставалась одна лишь Лоране, доверительные отношения с которой красной нитью проходили через все последнее десятилетие.

Если Фрэнк играл роль вдохновителя и магнита, притягивающего таланты, то Лоране выступала в качестве технического директора, задавая темп и позволяя всему этому пестрому сборищу специалистов добиваться удивительных результатов.

Он натянул латексные перчатки, схватил пластиковый пакет и вытащил из него маску, снятую с лица Филиппа. Первым делом ему подумалось о ее весе. Она была гораздо тяжелее, чем казалась на первый взгляд. Почему именно – то ли ее сделали из тяжелого камня, то ли она сама была массивной, – Фрэнк сказать не мог. Он поднес ее к мощной галогенной лампе и повертел в разные стороны. Маска напоминала собой скульптуру, от которой сохранилось только лицо – простое, с выпученными, идеально симметричными глазами, тонким, прямым носом и ртом с пухлыми губами. Само его выражение определению не поддавалось. Приоткрытый рот мог означать удивление или изнеможение, в то время как большие, впалые глазницы придавали ему болезненный, безжизненный вид.

Сам камень, крапчатый и с зеленым оттенком, прорезали длинные коричневые, похожие на рубцы прожилки. Его поверхность была нежной и гладкой, без видимых неровностей или шероховатостей.

С внутренней стороны маска была тоже гладкой, вогнутой и впалой, будто в нее вдавили яйцо. В ней не было ни борозд для носа или рта, ни отверстий для глаз или ноздрей.

По бокам, в четырех местах, изготовивший ее мастер предусмотрительно оставил свободное пространство, чтобы маску можно было прибить гвоздями. Изнутри она была забрызгана обильными пятнами крови, особенно на уровне носа, который буквально был ею раздавлен. Кроме того, Фрэнк обнаружил на одинаковой высоте две пробоины – свидетельства лоботомии. Наконец, четыре отверстия, через которые маску гвоздями приколотили к лицу жертвы, обрамляли большие красные пятна.

Вокруг него воцарилась гнетущая тишина. Подняв глаза, Фрэнк увидел лица Марион, Танги и Жилия, которые внимательно следили за каждым его движением, с нетерпением ожидая, когда он подытожит факты.

– И чего вы ждете?

Троица попятилась, и лишь Марион нашла в себе храбрость подтвердить, что ими двигало любопытство.

– Ха, не чего, а кого! Мы ждем вас, патрон. И что вы на это скажете? Какие-то мысли на сей счет у вас есть?

Фрэнк опустил взгляд на маску, которую по-прежнему держал в руках, и опять посмотрел на Марион.

– Мысли, конечно, есть – это точно маска, – сделал вывод он, сопровождая свои слова едва заметной лукавой улыбкой.

А когда увидел их разочарованные физиономии, с трудом сдержал смех перед тем, как удовлетворить их любопытство. Затем положил улику, снял латексные перчатки и бросил их в стоявшую неподалеку корзину.

– Решение зачастую гораздо проще, чем кажется. За всем этим кроется тонкий расчет. Злодею известно, что нам придется снять с жертвы маску, дабы установить ее личность. Поэтому его посыл, по своей сути, должен касаться либо индивидуальности пострадавшего, либо какой-то его тайны.

В этот момент его позвал голос Лоране:

– Фрэнк, тебя ждет главный врач.

* * *

В перерывах между экологически чистым смузи, легким салатом из фруктов и овощей и кофе из только что поджаренных зерен со сливками, Эльга продумала предстоящий день, первым делом отделив мысленно важные встречи от бесполезных. Это было первое, чему она научилась, когда двенадцать лет назад начинала работать в «Майкрософте».

В общем случае встречи в недрах самой компании чаще всего служили лишь для поддержания на должном уровне самолюбия других сотрудников, в подавляющем большинстве мужчин. День обещал быть плотным, ей предстояла бесконечная, до самого вечера, череда демонстраций «я» и «сверх-„я“» коллег. Под конец ее ждала ежеквартальная личная встреча с Соней, отвечавшей в их команде за маркетинг, с которой они стали близкими подругами.

Эльга посмотрела на часы – пора было подниматься наверх, чтобы принять участие в первом собрании. Она взяла поднос, рассортировала мусор, поставила все на тележку и зашагала обратно по тому самому коридору, по которому сюда пришла. В этих коридорах, чаще всего длинных и узких, еще сохранялись последние реликты предыдущего века здания. Между открытыми пространствами, в той или иной степени осовремененными, но неизменно оторванными от своей эпохи, человек словно попадал в машину времени.

Она поднялась на третий этаж и, едва открылись автоматические двери лифта, тут же почувствовала, что там царит настоящая лихорадка.

Несмолкаемый гам, без конца сновавшие во все стороны «гуглёры», собравшаяся вокруг огромного цифрового интерактивного табло толпа окончательно пробудили ее любопытство.

Ей тут же вспомнилась загадочная фраза стройной блондинки, которую та невзначай бросила сорок пять минут назад: «Не думала, что Трамп может обладать таким творческим потенциалом...»

Она подошла к группке, сгрудившейся на лестничной площадке. Над столом склонились два типа – в одной руке смартфон, в другой карандаш и самоклеющийся цветной листочек для записей. Один входил в касту инженеров, второй – финансистов. Различия в манере одеваться позволяли с ходу определить принадлежность каждого из них, даже при первой встрече.

Они что-то царапали на клочках бумаги, попутно обращаясь к толпе, а затем повесили их – каждый со своей стороны. Дабы прочесть написанное, собравшиеся на пару секунд затаили дух.

Самые сообразительные тут же стали выкрикивать свои предпочтения, и финансиста вскоре уже облепило подавляющее большинство. Инженер здесь был изгой, их вотчина распо-

лагалась этажом ниже, и у него практически не было шансов сплотить вокруг себя единомышленников.

Какой-то коллега, присвоив себе роль модератора, встал в центре между двумя бумажками и взял слово.

– Кто за Мартена? – бросил он.

Над толпой взлетело несколько рук.

– Кто за Эдуара?

Свое одобрение выразило большинство.

Тут же вынесли вердикт, и модератор объявил победителя. Им стал Эдуар. В какой-то момент можно было даже поверить, что у Мартена был шанс.

Воспользовавшись мимолетной минутой затишья, обусловленной сменой противника, Эльга подошла к табло с прикрепленными к нему бумажками. Чтобы понять, что же, собственно, на них было написано, ей понадобилось несколько секунд.

«*Robert Pattinson should not take back Kristen Stewart. She cheated on him like a dog & will do it again-just watch. He can do much better!*»¹⁰ — гласила бумажка Мартена.

На той, которую накорябал Эдуар, можно было прочесть:

«*It's freezing and snowing in New York – we need global warming!*»¹¹

Чуть выше, бренными останками былых дуэлей, красовались предыдущие бумажки:

«*Sorry losers and haters, but my I.Q. is one of the highest-and you all know it! Please don't feel so stupid or insecure, it's not your fault.*»¹²

Или еще:

«*Happy #CincoDeMayo! The best taco bowls are made in Trump Tower Grill. I love Hispanics!*»¹³

Эльга поняла, что коллеги веселились, изгоняя демонов из событий прошлой ночи. Конкурс сводился к тому, чтобы откопать самые ошеломительные и идиотские твиты нового постояльца Белого дома. Эльга улыбнулась – впервые за нынешний день в результате события планетарного масштаба.

С другой стороны, впереди замаячила проблема производительности. Эльга заглянула на страничку Трампа в «Твиттере». Счет его твитов превышал три сотни тысяч. «За этим делом они проторчат там целый день, – подумала она. – Если не до конца недели».

¹⁰ Роберту Паттинсону не стоит мириться с Кристен Стюарт. Она изменяла ему, как сука, и будет изменять впредь – вот увидите. Он может найти кого-нибудь гораздо лучше (англ.).

¹¹ В Нью-Йорке холодно и идет снег. Нам требуется глобальное потепление (англ.).

¹² Лузеры и ненавистники, я, конечно, извиняюсь, но мой Ай-Кью выше, чем у кого-либо другого, и вам это прекрасно известно. Пожалуйста, не будьте такими уязвимыми и не считайте себя идиотами, вашей вины в этом нет (англ.)

¹³ Поздравляю с #CincoDeMayo (с Днем Пятого мая. – Прим, пер!). Лучшие блюда с тако делают на грилях Трамп-Тауэра. Обожаю латиносов (англ.).

Глава 5

По выходе из аэропорта Каль направился к человеку в костюме, державшему табличку с его именем, который стоял в ряду вместе с другими такими же, как он. Встречавший поздоровался с ним, продемонстрировав южный акцент, взял у него ручную кладь, и они вместе направились к аэропортовой парковке.

По пути его окликнул высокий, крупный, лысый тип с зычным голосом:

– Как дела?

Тип подошел, положил ему на плечо руку и расцеловал. Подобные физические контакты, предписанные культурой, Каль ненавидел.

– А у тебя?

Не утруждая себя дружелюбным выражением лица, Каль ласково похлопал его по спине. Несколько секунд, пока продолжались объятия, он пытался вспомнить, как зовут это безымянное лицо. Они были знакомы, но вместо имени в памяти всплывало только комдир. Каль знал, что они не раз встречались, может, даже ужинали семьями. Но, если не считать типичную внешность коммерческого директора, похожего на цифрового единорога, в этой массе плоти не было ровным счетом ничего примечательного.

Каль ненавидел таких коммерсантов, не достигших даже тридцати лет, считая их стадом радостных дебилов с банковской картой с неограниченным кредитом, которых в жизни вдохновляло только одно – количество нулей в выплачиваемых им премиях. В его глазах они представляли собой основу пищевой капиталистической цепи.

– Спасибо, не жалуюсь. Не захватишь меня в Канн? А то эти козлы где-то напутали и не прислали за мной водителя.

Он говорил громко, размашисто жестикулируя, чтобы заполнить пространство и время своей пустопорожней индивидуальностью, а в одежде придерживался идеального баланса между костюмами-галстуками старого мира и шмотками хипстеров цифрового маркетинга. На нем были простые джинсы, туфли «Вестон», обтягивающая рубашка и сшитый по мерке пиджак. Дополнял картину безвкусный пояс «Гермес». Этот узнаваемый аксессуар, давно признанный необоснованно дорогим, выступал в роли атрибута, логотипа коммерсантов, признаком того, что им не зря платят такие премии.

В целом подобный нелепый наряд преследовал сразу несколько целей. Во-первых, продемонстрировать наличие у хозяина денег и подчеркнуть его благополучие, пусть даже и мнимое. Во-вторых, пролить свет на архаичность стариков, неспособных расстаться со своими костюмами, но при этом сохранить их доверие, дав понять, что со скучными шортами, футболками и шлепанцами покончено раз и навсегда. Принцип строгой дозировки при выходе на сцену – первейшее качество *специалиста по продажам*. Без такого таланта, по сути основополагающего, в этой сфере нельзя было продержаться десять лет.

– Разумеется, – осторожно сказал Каль.

Ничего другого он ответить не мог, и комдиру это было хорошо известно. Калю вспомнилась первая полоса «Уолл Стрит джорнел», посвященная избранию Трампа. Может, ему тоже выставить свою кандидатуру на президентских выборах, чтобы, наконец, получить возможность убрать все фильтры, сдерживавшие его ненависть к роду человеческому? Калю все еще приходилось придерживаться определенных правил. Смотреть на всех без исключения с презрением можно было только с самого верха.

Прошагав минут десять по терминалу и уличной парковке, они подошли к черному «мерседесу», которому предстояло отвезти их в центр Канна.

Комдир все говорил, говорил и говорил, рассказывая одну за другой истории о влиятельных участниках рынка. Он без перехода вываливал то всю подноготную крупного контракта,

который удалось заключить благодаря щедрому вознаграждению посреднику, то разглагольствовал о последней травле, устроенной им в социальных сетях с помощью узкого круга приятелей, рекламщиков, журналистов и просто идиотов нового мира, называя их «лигой», при том что те, разумеется, делали это только ради хохмы.

Когда они вместе устроились на заднем сиденьи черного седана, Каль тут же вытащил ноутбук, чтобы продолжить начатую в самолете работу. Он чувствовал, что комдир время от времени бросает на его экран мимолетные взгляды. Сбоку, с места, где он сидел, он не мог разглядеть, чем же, собственно, занимается сосед. Монитор Каля покрывала защитная пленка, благодаря которой видеть его можно было, только сидя прямо перед ним. Древняя, но в то же время практичная мера, когда приходилось использовать места общего пользования в качестве дополнения к личному кабинету.

Поскольку за несколько минут до этого комдир упомянул, что ныне руководит продажами французского филиала «Фейсбука», Каль решил воспользоваться своей властью над ним, чтобы в следующие полчаса проанализировать доходы, которые его команде в последние месяцы принесло сотрудничество с гигантом из Пало-Алто.

В первом полугодии они намеревались вложить в рекламные кампании через «Фейсбук» двадцать миллионов долларов – четверть на создание восторженных откликов мнимых клиентов и управление сообществом, а оставшиеся три четверти на платное продвижение мнений потребителей, как подлинных, так и заказных. Если эти кампании достигнут КПЗ, то есть ключевых показателей эффективности, то во втором полугодии директриса его департамента социальных сетей планировала утроить эту цифру.

– А что ты думаешь о тех инструментах, которые мы на данный момент задействовали для продвижения новых линеек товаров для мужчин?

Осознав, что Каль обращается к нему, комдир буквально подпрыгнул, повернулся к нему и наткнулся на стальной взгляд, проникавший в самую душу.

– Вчера утром я как раз подбивал баланс с Матиасом, – произнес он голосом, в котором вдруг послышалось куда больше солидности. – Это ваш коммерческий представитель. Прибыли твоей команды очень даже неплохи, что же касается нас, то наши показатели выше ожидаемых. В первые три недели мы двигались на ощупь, пытаюсь определить оптимальную конфигурацию сегментов, но теперь попали в самую десятку. Все наши усилия сосредоточены на зонах крупных городов и лишь на дюжине персон.

В маркетинге термин «персона» означает воображаемого персонажа, представляющего строго определенную целевую группу. Персона служит для описания индивидуальности этого персонажа, его жизненных и потребительских привычек, позволяя определить инструменты цифровой рекламы, наиболее подходящие для него и, как следствие, для всех, кто с ним ассоциируется. Одним словом, что-то вроде карикатуры на живого человека, необходимой для точного определения целевой категории потребителей.

– Мне нужен список персон, как результативных, так и нет, равно как и анализ их эффективности.

– Твои люди каждый день получают наши доклады.

– Ты меня не понял, – властно ответил Каль. – Мне нужен анализ твоих инженеров, тех, кто создает ваши алгоритмы. Я хочу понять, почему эта целевая аудитория реагирует на наши инструменты, а та нет. Мне надо знать, как этот черный ящик функционирует изнутри.

Несколько мгновений комдир пытался подобрать правильные слова. Каль вырвал его из зоны комфорта.

Техника отнюдь не была его стихией – он подписывал контракты, чтобы покупать ненужные и кошмарно дорогие пояса.

– Мне нужно сделать запрос, тогда они ответят тебе быстро.

– Хорошо. Кроме того, я хочу пересмотреть наше рамочное соглашение. Вскоре мы выйдем на девятизначные показатели деловой активности, а это предполагает ряд дополнительных условий.

Комдир тут же понял, куда клонит Каль. Негласные правила игры были предельно просты. Руководители агентств, соцсетей, средств массовой информации и крупных торговых марок каждый год заключали рамочные соглашения, подразумевающие щедрые премии, не учитываемые в основном контракте. Пирог получал тот, кто предлагал самый высокий из этих скрытых бонусов, – независимо от подлинной эффективности используемых впоследствии рекламных инструментов. В общем случае он представлял порядка двадцати пяти процентов от общей стоимости контракта.

И когда тот исчислялся десятками миллионов евро, это уже составляло кругленькую сумму.

– Ну конечно, – ответил он, – вот увидишь, я пришлю предложение, от которого ты не сможешь отказаться. У нас клиент – король, и тебе это прекрасно известно.

К коммерсантам Каль питал отвращение, но они хоть и были идиоты, но пользу в их деле все же приносили. Манипулировать ими было не сложнее, чем ослом с помощью морковки, к тому же, с их помощью он пополнял на старость несколько офшорных счетов.

Комдир явно любовался собой. В соответствии со шкалой его ценностей он только что с блеском провел разговор, еще раз доказав свою принадлежность к расе победителей и гениальных переговорщиков, которые не зря получают свое заоблачное вознаграждение.

К тому же Калю подумалось, что этот Комдир не так уж неприятен. Да, он обладал зычным голосом и не был особо хитер, но при этом выступал в ипостаси идеального знаменосца поколения Трампа.

Бабло, бабло и еще раз бабло, а все остальное как-нибудь приложится! Под конец поездки он с той же скоростью, что и в начале, выдал новую велеречивую порцию похабных обывательских историй. Отношение к фигурировавшим в них женщинам определялось исключительно размером их банковского счета.

– Вот, глянь, – сказал он, с лучезарной улыбкой тыча свой смартфон.

На экране красовался фотомонтаж с изображением двух свиней, совокуплявшихся в позе, унижительной даже для нежвачных парнокопытных. Вместо голов животным довольно топорно приставили человеческие лица. Добиваясь подобного результата, кто-то явно стремился смешать с грязью тех, кому они принадлежали.

– Здорово, правда? – сказал он, звучно захохотав. – Это одна сучка из «Публиси» со своим дружком. Когда она обгадила мне одну кампанию, я навел кое-какие справки, и ее родители, представь себе, оказались добрыми католиками, выступающими с непримиримых, консервативных позиций. Она скрывала от них, что уже целых три года встречалась с марокканцем. Я повел дело так, чтобы семья узнала об этом из социальных сетей, выложив это небольшое, снятое в самый интересный момент видео.

Он от души расхохотался, гордый проявлением своей креативности, желая убедиться, что на подконтрольной ему территории все знают, кто хищник, а кто добыча. Об этой «лиге» Каль уже слышал. Свора злобных псов, находивших удовольствие в травле избранных жертв в социальных сетях, для собственного удобства неизменно скрывавшаяся за левыми аккаунтами.

Каль оценил момент по достоинству и засмеялся ледяным смехом.

Глава 6

– Главный врач ждет тебя в здании напротив, в девятой палате, – сказала Лоране, махнув рукой на северное крыло. – Жиль обнаружил вход, которым преступник воспользовался, чтобы войти сюда, а потом ускользнуть. Подвал этой больницы дырявый, как швейцарский сыр, из него можно попасть как в канализационные коллекторы, так и в катакомбы. На чугунной плите, преграждающей вход в одну из таких галерей, расположенной под пристройкой Бенжамена Балля, обнаружены свежие следы взлома.

– А дальше в этих галереях Жиль никаких следов не нашел?

– Для сбора данных мы запустили дрон, но пока ничего нового.

– Понятно. Позвони в парижскую мэрию и запроси у них здешние планы. А я пойду поговорю с главным врачом.

Фрэнк направился в отделение нейрофизиологии. От чертового здания, где нашли Сильву, его отделяли каких-то несколько метров. Жертву поместили в послеоперационную палату, где можно было лечить пациентов, перенесших хирургическую операцию на мозге. На докторе Рюзеке, главном враче неврологического отделения, был традиционный белый халат. Когда Фрэнк вошел в палату, он как раз разглядывал компьютерные томограммы.

В помещении располагалось внушительное количество самых разнообразных экранов, пультов управления, машин и труб. Вся эта аппаратура была подключена к Сильве для поддержания жизненных функций. «Машина спасения жизни», – подумал Фрэнк. Теперь Сильва представлял собой что-то вроде андроида, Робокопа, только без «копа» и привинченной к телу пластинки со словом «универсальная модель».

– Здравствуйте, комиссар.

Фрэнк пожал доктору Рюзеку руку. У того был тихий и более приветливый по сравнению с большинством других врачей голос – его, вероятно, смягчало сочувствие, столь необходимое в заведении, специализирующемся на лечении душевных расстройств.

– Прошу прощения, что реквизировал у вас несколько помещений, доктор, но они нужны нам, чтобы как можно быстрее продвинуться вперед.

– Это вполне естественно, комиссар, мы здесь для того, чтобы облегчить эту работу.

Фрэнк повернулся к Филиппу Сильве, внимательно оглядел его истерзанное тело и распухшее от побоев лицо.

У того под глазами залегли фиолетовые круги, по которым можно было понять, насколько жестокому насилию его подвергли. Несмотря на паутину трубок, закрывавших половину лица, явно виднелись два пятна высохшей крови по обе стороны переносицы и четыре других в тех местах, где к голове гвоздями прибили маску – два над ушами и еще два под ними.

Правую руку ему отняли чуть выше локтя. На грудной клетке между ребрами виднелись многочисленные порезы. Не отводя от тела глаз, Фрэнк обратился к доктору Рюзеку и спросил:

– Что вы можете сообщить о его состоянии?

Врач ответил не сразу. Он обогнул койку и подошел к небольшому передвижному столику, заваленному бумагами. Взял несколько листов, за пару секунд пробежал их глазами и значительно посмотрел на комиссара:

– Я начну с фактов, установленных по телу жертвы. Ему нанесли тяжкие телесные повреждения в четырех разных местах. И начали наверняка с металлического штыря, загоняя его между ребер, возможно, с помощью небольшого электроперфоратора. Диаметр сверла составил от одного до полутора миллиметров, глубина ран – пять-семь сантиметров. Таких ран мы насчитали двадцать семь, они разбросаны по всей грудной клетке без какой-то определенной системы.

Доктор на миг умолк, желая подчеркнуть значимость своих слов.

– Раны поверхностны, даже если учесть, что в нескольких местах задеты легкие. С другой стороны, должен заметить, что межреберные боли чрезвычайно мучительны. Его явно пытали. Воздействуя на этот участок тела, всегда преследуют цель заставить страдать, но не покалечить и не убить.

Фрэнк как можно ближе склонился над ранами на торсе Сильвы. По виду они в точности напоминали повреждения от толстой иглы. Каждое пятнышко высохшей крови окружала тоненькая красная кайма от воспаления, вызванного инородным телом. Фрэнк выпрямился и попытался определить в их расположении какой-нибудь порядок. Подобно ребенку, который безоблачной ночью смотрит в небо, он мысленно соединял точки между собой, пытаясь сложить из них буквы, узоры или знаки. Ничего. Ни формы, ни заранее определенного посыла. Ближе к концу дня эту гипотезу подтвердит и цифровой анализ снимков.

– Что еще? – спросил Фрэнк.

Подойдя к краю кровати, доктор Рюзек откинул одеяло и простыню. Ноги жертвы внизу были плотно закутаны в бинты. Врач протянул Фрэнку сделанные перед перевязкой фотографии, на которых можно было увидеть, что под ними скрывалось.

Ступни Филиппа Сильвы пребывали в ужасном состоянии – жуткое месиво плоти, раздавленных мышц и раздробленных костей. Снимков, снятых как общим, так и крупным планом, было много, благодаря чему источник повреждений прослеживался совершенно отчетливо, причем диаметр сделанных сверлом отверстий казался больше, чем на грудной клетке. Пока доктор Рюзек приводил ему клиническое описание, Фрэнк поднес отпечатки к глазам, желая рассмотреть их во всех подробностях.

– После этого преступник занялся ногами, прибегнув к той же технике, что и на груди. Проще говоря, он просверлил в нескольких местах перфоратором ноги. Однако диаметр здесь был гораздо больше, почти целый сантиметр. Большинство отверстий сквозные. Десять ран на правой ноге и восемь на левой. Повреждения на каждой ноге очень и очень серьезные, раздроблены кости и порваны сухожилия.

– Я полагаю, что здесь он тоже мучился от невыносимой боли? – спросил для проформы Фрэнк.

Доктор Рюзек на несколько секунд оставил его вопрос без ответа, затем посмотрел комиссару прямо в глаза.

– Да, в этом можно не сомневаться.

На несколько мгновений мужчина в халате сбросил с себя маску профессионала, и Фрэнку показалось, что на его лице отразилось живейшее волнение. Опыт и отстраненный взгляд на вещи так и не сделали его вконец бесчувственным. Комиссару и самому с большим трудом удавалось сохранять бесстрастность.

– Как вы смогли определить, что сначала раны были нанесены в районе грудной клетки и только потом на ногах? – спросил он.

– По свертываемости крови и развитию воспалительных процессов, – продолжал Рюзек, – ему сначала просверлили грудную клетку, через несколько часов ноги, а потом отрезали руки и гениталии.

– Это дает нам хоть какие-то представления о том, как долго его пытали?

– Я бы предположил, от шести до десяти часов.

Доктор Рюзек подошел к левой стороне кровати и показал на внушительную повязку на культе, оставшейся от правой руки Сильвы.

– Преступник отнял ему руку чуть выше локтя. За один заход, причем электрической пилой. Модель наверняка сродни той, которой мы пользуемся в операционном блоке. Затем наложил жгут, иначе жертва истекла бы кровью. Этот извращенец позаботился о том, чтобы его не убить.

– Жертва была в сознании?

– У нас нет данных, позволяющих думать иначе.

– А вы сами как считаете?

– С учетом всего остального я бы сказал, что в сознании, хотя это лишь мое личное мнение.

– Что навело вас на мысль об электрической пиле?

Рюзек заглянул в бумаги у себя в руках, через несколько секунд вытащил из пачки результаты соответствующих анализов и протянул их Фрэнку. На листе красовались увеличенное изображение поверхности раны и кость, выглядывавшая из-под рассеченной плоти.

– Здесь можно заметить, что плоть несколько разворочена, в то время как кость отрезана чисто и ровно. Подобное характерно для электрической пилы. – Рюзек вновь направился к бумагам, которыми был завален передвижной столик. – Вот эти снимки сделаны в области гениталий.

– А здесь преступник каким образом поступил? – спросил Фрэнк.

– Наверняка орудовал охотничьим ножом. Лезвие остро отточенное, длиной сантиметров двадцать, жесты уверенные, как и во всем остальном, что касается пыток.

– А как насчет маски?

– Здесь я мало что могу сказать, разве что он, дабы ее прибить, воспользовался тем же самым перфоратором, опять же следя за тем, чтобы не нанести смертельных ран, для чего ему понадобилась весьма примечательная точность.

– Думаю, доктор, я увидел достаточно, – сказал на это Фрэнк, – или у вас есть еще какие-то важные детали, о которых вы мне не рассказали?

– Нет, больше ничего.

«Пила... перфоратор... охотничий нож... – прошептал Фрэнк. – Если не считать последнего, считающегося традиционным холодным оружием, то выбор инструментов выглядит нетипичным».

Для профессионала слишком уж расчетливо и к тому же явный перебор. Место, образ действий, пытки, инструменты, маска – все эти элементы, с одной стороны, представляли собой признак большого мастерства, с другой – свидетельствовали о жестокости, присущей разве что сумасшедшему.

– Как по-вашему, чтобы ампутировать руку и отрезать гениталии, но при этом оставить человека в живых, глубокие медицинские познания требуются?

Перед тем как ответить, доктор Рюзек протяжно вздохнул:

– Нет, я бы не сказал, что для этого необходимы основательные познания в медицине. Это довольно просто. С другой стороны, я не думаю, что преступник проделывал подобное впервые. Слишком уж все у него чисто, как у настоящего мастера своего дела. Он прочно наложил жгут, чтобы жертва не истекла кровью. Так что чем-то подобным он занимался и раньше – ему известно, как все делать, чтобы не убить.

Фрэнк повернулся к Сильве.

– А под занавес этих жутких пыток он, стало быть, провел лоботомию, так?

– Совершенно верно, – согласился врач.

Мужчины встали в изголовье кровати, по обе стороны от нее, чтобы внимательно рассмотреть следы, оставленные на голове Сильвы этой последней гнусностью.

– Ее злодей тоже провел перфоратором, того же диаметра, которым воспользовался для грудной клетки. Причем воспользовался трансорбитальным методом, то есть вонзал сверло на уровне слезных мешков глаз и направлял его в середину черепа. Как и в случае с ампутацией, он точно знал, что делает. Повреждения жертвы необратимы. Это не лечится. С разрушениями участков мозга сделать уже ничего нельзя.

– А с отверстиями, чтобы прибить маску, та же самая история?

– Нет, там они носят поверхностный характер – злодей позаботился о том, чтобы просверлить череп, но при этом не задеть мозг.

– И в чем же будут заключаться последствия?

– В глубинных изменениях поведения жертвы. Преступник поставил перед собой цель уничтожить часть корки, расположенной во фронтальной доле мозга. Данная зона не относится к категории жизненно важных, но именно она, в значительной степени, несет ответственность за многочисленные составляющие человеческого поведения, управляя не только речью, либидо и способностью выносить суждения, но также памятью и социальными навыками жизни в обществе. К тому же это еще и центр ряда двигательных функций. В случае с месье Сильвой мы узнаем это, только когда он придет в себя. Чтобы обобщить, скажу так: фронтальные зоны, непосредственно затронутые операцией, участвуют в формировании глобального поведения пациента, в его координации, в способности к самоконтролю.

– И давно подобные варварские действия запрещены?

Доктор Рюзек улыбнулся едва заметной улыбкой, резко контрастировавшей с разговором, который они до этого вели.

– А кто вам сказал, что они запрещены? – с вызовом сказал он.

– Что? Ничего не понимаю.

– Французское законодательство не запрещает лоботомию. Да, сегодня ее действительно больше не применяют, считая, как вы справедливо выразились, «варварским действием», влекущим за собой непредсказуемые, пагубные последствия, но у нас нет закона, который в явном виде налагал бы на нее запрет.

– Я думал, что такие операции давно стали историей.

– В последний раз во Франции официально к ней прибегли в 1986 году, хотя она до сих пор в ходу в ряде европейских стран, таких как Швеция, Испания или Бельгия, а также в некоторых штатах США, равно как в развивающихся государствах.

– Вы хотите сказать, что наш преступник мог обучиться этой методике во Франции или в Европе?

– Насчет Франции, не думаю, разве что в теории. А в Европе или где-то еще, вполне возможно.

Фрэнк умолк. Чтобы собрать в кучу и рассортировать всю полученную только что информацию, ему требовалось несколько секунд. Перебивать его доктор Рюзек не посмел. Через мгновение комиссар заговорил вновь:

– В каком он состоянии?

– Пока я не могу ответить на ваш вопрос. Поражения представляются серьезными, и он вряд ли сможет вам когда-либо рассказать, что пережил. Человек, которого вы сейчас видите перед собой, больше не Филипп Сильва. Его поведение, индивидуальность, разум разрушены навсегда. И даже если он, придя в себя, сообщит вам какие-нибудь сведения о совершенном на него нападении, вы никогда не сможете оценить их достоверность.

– Как по-вашему, он скоро очнется?

– Не раньше, чем через несколько дней, которые понадобятся нам, чтобы полностью его стабилизировать. Потом мы потратим несколько недель, пытаясь понять, в каком он находится состоянии. На вашем месте, комиссар, я не рассчитывал бы на его свидетельства.

– Благодарю вас, доктор. И пожалуйста, держите меня в курсе его состояния, немедленно сообщая о любых его изменениях.

Мужчины пожали друг другу руки, возникшее между ними взаимное уважение можно было чуть ли не потрогать руками. После ухода доктора Рюзека Фрэнк еще ненадолго задержался в палате. Его охватил ужас. Сострадание подтолкнуло комиссара представить себя в шкуре жертвы. Когда он подумал, что его тоже могли вот так крушить и уничтожать, как телом,

так и духом, у него в жилах застыла кровь. Фрэнк редко что-то выбивало из колеи, но сегодняшний день как раз стал таким исключением.

Ему не давали покоя несколько моментов. Для начала сам акт агрессии. Подобная безудержная жестокость всегда приводила к смерти. Здесь же преступник позаботился о том, чтобы сохранить Сильве жизнь, но при этом навсегда изменить ее до неузнаваемости. Тем самым он будто хотел сказать, что в его глазах тот собой представлял. К жертве он демонстрировал глубинную ненависть. Еще больше эту мысль укрепляла маска – в качестве инструмента, позволяющего скрыть, каким человеком был Сильва или же каким стал в результате пыток. Смысл данного посыла Фрэнку надо было понять как можно быстрее. Злодей, стоявший за этим преступлением, не хуже художника выражал все, что первородное чувство его гнева могло набросать на холсте. Наконец, инструменты, которыми он воспользовался, чтобы изуродовать жертву. Перфоратор и, главное, электрическая пила – два предмета, редко фигурирующие в делах по убийствам или причинению тяжких телесных повреждений. Где хрестоматийное огнестрельное оружие, яды, клюшки для гольфа? Где, наконец, американские кулаки? Конечно же, присутствовал нож, которым жертве отрезали гениталии, но куда девать все остальное? Фрэнк пытался представить себе последовательный план действий. Его руки повторяли движения человека, орудующего этими инструментами, чтобы нанести аналогичные раны. Здесь требовалась твердая рука. Да и потом, не надо забывать и о месте преступления, совершенного в медицинском центре Святой Анны. Это, конечно же, символ, только вот что с его помощью хотел сказать злодей? На данном этапе понять трудно. Это может быть каким-то образом связано с жертвой или с самим злодеем. Может, целью преступника было психическое состояние Сильвы? Откуда ему было известно об этом заброшенном крыле? Он здесь лечился? Навещал кого-то из близких? Может, родных?

Отвечать на все эти вопросы было слишком рано. Тем не менее Фрэнк чувствовал, что выбор больницы Святой Анны, как и выбор инструментов или вида агрессии, представлял собой один из фрагментов образа действий злодея.

Касательно места совершения преступления Фрэнк понял еще один момент. Когда человека засасывает спираль насилия или убийства, он обязательно, сам того не сознавая, хаотично оставляет после себя следы. И отсутствие таковых в данном случае свидетельствовало о том, что для него это далеко не первый подобный опыт. Нынешнее расследование начиналось с весьма необычного противоречия. С одной стороны, в нем присутствовали многочисленные символические элементы и иррациональная жестокость, с другой – профессионализм и редкая бесстрастность. Но так или иначе вырисовывался весьма очевидный факт: преступник свою жертву знал.

К незнакомцу столь яростную ненависть питать никто не будет. Каждое увечье преследовало вполне определенную цель, но так, чтобы не убить. У палача наверняка имелся план, он не действовал по воле обстоятельств или импульса. Инструменты проливали свет на его опыт и медицинские познания. А заодно и на решимость, которую он проявил. Больница Святой Анны в качестве места совершения преступления предполагала, что преступник, срежиссировав свои поступки, пытался оставить некий посыл, способный произвести немалое впечатление. Очень даже возможно, что нынешний случай нанесения тяжких телесных повреждений – это только начало.

Покинув палату Филиппа Сильвы, Фрэнк направился в «Мистери-Машину». Когда он шагал по коридорам нейрофизиологического отделения, его поразила разница между ними и тем помещением, где обнаружили Сильву, хотя их отделяло всего несколько метров. Здесь все было новеньким, ухоженным, обезличенным и применимым к любой другой больнице. Что касается того здания, то оно прекрасно подошло бы для съемок фильма ужасов 70-х годов – повсюду паутина, грязь, пыль и злые тени. Когда Фрэнк залез в автомобиль, его команда собралась практически в полном составе – наперебой обсуждала различные элементы, собран-

ные ее членами. Он вкратце передал им разговор с доктором Рюзеком и в двух словах обобщил свои собственные мысли.

– Он точно знает, что делает, и заниматься такими вещами ему не впервой. Танги, ты первым делом сосредоточишься на поиске элементов, сходных с другими делами, как прошлыми, так и настоящими. Он уже что-то подобное проделывал, а если учесть его склонность к режиссуре, то в прошлом наверняка отыщется аналогичное преступление. Провести взаимосвязи с другими делами для нас сейчас приоритет номер один.

– Будет сделано, патрон.

– Я еду на набережную Орфевр ввести в курс дела шефа. Через полчаса пришлите мне обобщенные результаты, когда я его увижу, мне понадобятся ключевые элементы, – сказал Фрэнк и вышел из передвижной лаборатории.

Затем поглядел по сторонам. В организованном хаосе места преступления всегда оставалось что-то необъяснимое. Машины, ограждение, полицейские, свет, суматоха, шум – все это выглядело анархией, не подвластной никакому контролю и напрочь лишенной смысла. Фрэнка эта лихорадка, в которой он черпал энергию, всегда бодрила. Он сел в черный седан, врубил на полную мощность сирены и поехал на набережную Орфевр, 36. Их пронзительный вой разметал в клочья искусственное оцепенение, окутывавшее медицинский центр. В своих палатах, обитых изнутри мягким материалом, его услышали умалишенные. Где-то затаился жестокий зверь.

Глава 7

Каль прошел по узкому понтонному мостику, ведущему к яхте, которую его компания арендовала на время проведения фестиваля. Яхта входила в набор атрибутов, обязательных для корпораций, желающих укрепить свое влияние.

В итоге Каль посчитал долгом чести взять одну из самых красивых и, как следствие, дорогих.

Он прошел в кают-компанию на корме, представлявшую собой просторное помещение с удобными диванами вдоль стен. Каль любил сочетание различных материалов. Жизненно важные элементы – сталь, все остальное – тиковое дерево. Для нынешней эпохи метафора показалась ему весьма интересной.

Длина «Ривьеры» составляла шестьдесят метров, на ней имелись три палубы, шесть кают роскошной планировки, бассейн, зал для занятий фитнесом и экипаж из пятнадцати человек, способный устроить праздник на сотню приглашенных. Рабочий инструмент, конечно же, затратный, обходящийся в сто шестьдесят тысяч евро в день, но быстро окупающийся за счет эготической прибыли. Каль присоединился к своей команде, которая уже всюду трудилась на средней палубе, отведенной для встреч во время Международного фестиваля рекламы, на проведение которого отводилось семьдесят два часа.

Их цель сводилась к организации переговоров с крупными агентствами и партнерами, чтобы окончательно доработать и подписать договора, которые определяют структуру последующих месяцев, а в некоторых случаях и лет. Являясь клиентами, Каль и его подчиненные выступали с позиций силы. В рекламном бизнесе он слыл влиятельным лицом. Компания, на которую он работал, продавала по всему миру косметику и обладала более чем миллиардной клиентурой. Под его началом работали несколько сот человек, он располагал годовым бюджетом четыре миллиарда долларов. Свою власть он употреблял на то, чтобы сажать на трон или свергать королей медийных агентств, возвращать или рубить на корню стартапы в сфере цифровых технологий, способствовать карьерному росту сотрудников или блокировать любые их попытки подняться наверх. Каль был императором, которым двигала неутолимая жажда отомстить миру, завоеванному им в муках и страданиях.

Обратившись к одному из безымянных сотрудников, он приказал принести ему программу мероприятий. Затем устроился в клубном кресле, велел принести ему смузи с салатом «Цезарь» и внимательно ознакомился с документом, не упустив ни строчки. Следующие несколько часов ему предстояло потратить на презентации, на его работодателя и, что еще важнее, на самого себя. Конкретные сделки заключались несколькими иерархическими этапами ниже. Чтобы провести с пользой время, ему надо было встретиться с влиятельными ныне участниками рынка, в первую очередь американцами и китайцами. В контрагенте его всегда интересовали две вещи: аристократический титул и сфера, которой он руководил, или, для непосвященных, должность и название компании. Вся подготовка впоследствии поручалась анонимам.

Он вытащил стилос и стал обводить им на планшете встречи, которые следовало провести, аннулировать или добавить в список. А на полях делал пометки касательно необходимых ему личных сведений о будущих собеседниках. Карьера в профессии, личная жизнь, хобби, привычки в еде и манере одеваться. Вся разница была в деталях, и, когда Каль обладал всей полнотой информации о намеченной жертве, первая встреча с ней никогда не оборачивалась неудачей. За несколько минут грядущие два дня были распланированы не хуже «Тетриса». Каль мастерски распоряжался своим временем – оружием, которое ему пришлось очень рано научиться оттачивать. Каких-то элементов еще не хватало, но в целом он был доволен резуль-

татом. Затем он отдал планшет проходившему неподалеку коллеге. Может, тому самому, который его принес, может, другому. Этого он уже не помнил.

– Через час мне понадобится последняя сводка.

– Хорошо, месье Доу.

Коллега, одетый в безупречный костюм, был молод, ему еще не исполнилось и тридцати. Судя по всему, он нервничал, у него дрожала складка в правом уголке губ. Ему очень хотелось произвести приятное впечатление. Первые годы в профессии в значительной степени определяли всю его дальнейшую карьеру. Он наверняка надеялся доставить Калю удовольствие, а потом, через пару-тройку лет, обратиться к нему за помощью, чтобы продвинуться в компании и подняться по общественной лестнице. Что касается самого Каля, то он был хищник, король, восседавший на самой вершине горы и властвовавший над собственной экосистемой. Как и в царстве зверей, хищник редко проявлял заботу о нежных травоядных и уж тем более о самых слабых – старых особях и детенышах.

– Мне кажется, вы волнуетесь. Бойтесь, что задача окажется вам не по плечу?

– Нет, месье, я ничуть не волнуюсь. Все будет сделано в срок.

– Что-то я не вижу в вашем поведении уверенности. Если хотите в один прекрасный день сделать что-то еще, вам придется его изменить.

– Слушаюсь, месье Доу, можете на меня положиться.

– Пока я не представляю, как можно положиться на такого человека, как вы. Впрочем, там будет видно.

Каль махнул ему рукой, давая понять, что он может идти. А потом вспомнил, что ему предстояла встреча с человеком, которому действительно можно доверять: с его новой личной помощницей.

– А где у нас новенькая? – бросил он, когда коллега с досадой на лице уже повернулся, чтобы уйти.

– Новенькая, месье?

– Да, где она?

– Прошу меня простить, месье Доу, но я не знаю никаких новеньких.

– Опять вы за свое. Повторяю – у меня такое ощущение, что вы явно не на высоте.

– Я сейчас все узнаю, господин Доу.

Молодой человек побагровел. Его будущее таяло на глазах – вместе с гордостью. Он поспешил к остальным членам команды, а через несколько минут вернулся к Калю.

– Она, месье, координирует с организаторами ваше вечернее выступление.

– Отлично. И как она?

– Что вы, простите, сказали?

Каль впервые за все время посмотрел анониму в глаза и улыбнулся высокомерной улыбкой:

– Если еще хоть раз попросите меня повторить сказанное, я и в самом деле решу, что ваша компетентность не соответствует занимаемой должности.

– Э-э-э... Я бы сказал, что она юна и в своем деле, судя по всему, сведуща.

– Велите ей явиться ко мне в восемнадцать часов.

– Слушаюсь, месье Доу, сию же минуту.

Важные на сегодняшний день дела Каль закончил, все остальное будет сделано на автопилоте. Каждая встреча будет напоминать собой компьютерную операцию «копировать – вставить». Когда ты по отношению ко всем выступаешь в роли клиента, задача не составляет особого труда. Бегло просмотрев почту, он увидел два электронных письма, присланных заведующим канцелярией. Они касались бюджетных вопросов на второе полугодие и подлежали передаче президенту группы. Каль их тотчас же перешлет, тщательно удалив любые упоминания о подчиненном.

Он посмотрел на часы, до того, как отправляться в Дворец Конгрессов на общее собрание, посвященное открытию фестиваля, у него еще оставалось сорок пять минут. Каль заказал эспрессо, по возможности колумбийский, взошел на верхнюю палубу и сел за небольшой столик, с которого открывался вид на море. Подъем наверх принес ему облегчение. В своем вечном, незыблемом движении море напоминало утопистам, что ни одна плотина не может держаться вечно. Как океан в один прекрасный день поглощает побережье, так и сильный в конечном счете всегда одерживает победу. Рядом, прилепившись друг к другу бортами, стояло на якоре еще десятка три яхт. Слева, на таком же суденышке, как у него, о чем-то оживленно беседовали заместитель гендиректора «Фейсбука» по производственным вопросам и распорядительница МВФ. Момент был самый что ни на есть пикантный. Они сидели на противоположных концах стола, а между ними застыла целая толпа помощников и помощниц, ловивших, казалось, каждую модуляцию их голоса.

За двадцать лет родился новый мир, теперь крушивший все, что попадалось ему на пути. Что же случилось со стариками? Еще вчера движимая амбициями звезда офиса приходила на работу раньше всех, а уходила позже, причем ее личная и семейная жизнь не выходила за рамки статистической погрешности. Она добросовестно ждала, чтобы одну за другой преодолевать ступеньки карьерной лестницы, вплоть до места за столом правления компании. Современная же звезда жила на берегу озера или на окраине лесного массива, продавала свободное время работы своего мозга, выполняя возложенную на нее миссию, и ни за что на свете не соглашалась покидать привычную жизненную среду, чтобы отправиться в джунгли офисных небоскребов.

Каль принадлежал к обоим этим мирам. Дорожа жесткостью и общественным расслоением старого, он вместе с тем пользовался непомерным могуществом, которым его наделял новый. Нервным, неконтролируемым движением он почесал правой рукой шрам. Всего их было четыре – небольших, выстроившихся по абсциссе бугорков, которые он имел обыкновенные скрести каждый раз, когда уносился мыслями далекодалеко.

Этот след ему оставила вилка – в первый же день по прибытии в сиротский приют. Буквально через несколько часов после того, как по требованию нотариуса, которого его покойный отец сделал своим душеприказчиком, отвез туда старый садовник. Толстяк носил совсем крохотные очки, писать ему в любых обстоятельствах приходилось мокрыми от пота руками. Каль до сих пор помнил, как вскрыли завещание и стали читать непонятные фразы. Толстяк с потными руками не потрудился перевести их на понятный ребенку язык. Первейшим следствием стало помещение Каля в сиротский приют. После скоростной кончины отца у него не осталось в живых никого из близких. По крайней мере таких, о которых кто-нибудь что-то знал. Мать, на момент его рождения едва достигшая совершеннолетия, исчезла через несколько дней после его появления на свет. Отец говорил, что искал ее, но тщетно. Она ни разу не позвонила Калю и не прислала письма, чтобы объяснить этот жест. Отец, расвирепев от ненависти к ней, уничтожил все фотографии матери, так что теперь Каль даже не мог вспомнить ее лица. Кроме родителя, человека безудержного и одержимого маниакальными идеями, у него никого не было. Именно из-за характера он и оставил распоряжения на тот случай, если его унесет внезапная смерть. Одно из них касалось выбора сиротского приюта, способного дать его единственному ребенку необходимое образование. Тот представлял собой дом католического священника, по виду напоминавший поместье, и принадлежал конфедерации ораторианцев, священники которой заправляли в нем железной рукой, прикрываясь допотопными педагогическими наставлениями. Отец заранее предпринял все положенные в таких случаях демарши, хотя был еще молод, ничем не болел и, конечно же, понятия не имел о несчастном случае, которому предстояло унести его несколько лет спустя. Даже в смерти он настолько эффективно контролировал события, что едва его гроб коснулся дна ямы, как старый садовник побросал в чемодан немногочисленные вещи, которые мог взять с собой Каль, и отвез его в приют, где

ему предстояло провести следующие двенадцать лет в ожидании совершеннолетия, ставшего настоящим избавлением.

В первый же день, за ужином, ему показали его место, которое он сохранил за собой до самого конца. Оно располагалось в самом конце длинного стола, с каждой стороны которого сидели пятеро ребят. Всего в столовой таких столов насчитывалось десятка два. Толкая перед собой тележку, монашка раздавала большие подносы, которые сироты передавали из рук в руки, попутно накладывая себе еду. Уже здесь общественные касты постепенно приобретали форму. Самые лакомые куски себе забирали сильные, потом еда переходила к тем, кто находился на ступеньку ниже их, и так далее, вплоть до слабаков и козлов отпущения.

В тот вечер Каль узнал, что его определили в слабаки. Когда он протянул руку, чтобы взять поднос с овощами, ему в предплечье с силой вонзилась вилка. Его молнией пронзила боль, но в первый момент он даже не закричал, будто загипнотизированный куском металла, торчавшим прямо из его плоти.

– Ну ты, недоумок, перед тем как накладывать себе, дождись, когда наедятся другие, – шепнул ему на ухо парень из касты сильных. – Мы знаем, кто ты, знаем, кем был твой отец, и уж поверь мне на слово – тебе здесь точно устроят веселую жизнь.

Когда Каль заорал, его отвели в медпункт. В один день он похоронил отца и почувствовал, что стал внутри меняться. Его жизнь, его личность, само его имя претерпевали жизненно важные изменения. Маленький мальчик, если хотел выжить, должен был исчезнуть.

Каль перестал тереть четыре небольших, чудовищных бугорка на коже. Они хотели, чтобы он рассказал о своем жизненном пути, о том, как он достиг своего нынешнего положения. Ну что же, отлично, он продемонстрирует им свое видение мира.

Глава 8

Эльга схватила ноутбук и направилась в небольшую кабинку видеоконференций на четвертом этаже, в просторечии именуемую «ви-подом».

Петушиных боев и завтрака ей явно не хватило, чтобы переварить избрание на президентский пост апельсина в желтом парике. В итоге она, не пожелав больше наблюдать войну самоклеющихся цветных листочков для записей, оказывавшую тот же эффект, что и слабительное, позволила себе завернуть на кухню.

Для нее это стало одной из укоренившихся привычек. Неудачный день, затянувшееся, скучное собрание, недовольный клиент, досада, когда маленькая, а когда и большая, – все это служило идеальным оправданием бодрящей кражи. Цель неизменно находилась на втором этаже, в сердце инженерного вертепа. Этот запретный город, расположившийся в самом центре как здания, так и внимания, таил в себе эпикурейское сокровище. План действий Эльга знала назубок. Сначала воспользоваться южной лестницей. На втором этаже пересечь первую площадку, глядя куда-то вдаль с видом «девушки-которая-торопится-на-собрание-и-больше-ни-на-что-не-обращает-внимания». Роль этого персонажа она тоже давно выучила наизусть.

Здесь она сталкивалась с первым препятствием. Среди инженеров наблюдалась повышенная концентрация «любовного недуга». Женский пол у них встречали радушно. Ее замечали, провожали взглядами, подходили. Их обширная территория таила в себе великое множество ловушек, чтобы вступить в устный контакт с жертвой. Цель при этом немного менялась – теперь к «девушке-которая-торопится-на-собрание-и-больше-ни-на-что-не-обращает-внимания» следовало добавлять кошачью скрытность. Эльга проскользнула по коридорам, не возбуждая никаких подозрений. Сделать это можно было даже с закрытыми глазами. Она миновала символ французских офисов, «Ситроен 2CV», превращенный в зал виртуальных конференций. У каждой страны он свой. Французы выбрали старый «ситроен», превратив его в футуристическую телефонную кабину, хотя Эльга в действительности сомневалась, что это делает культуре ее страны честь.

Затем Эльга прошмыгнула мимо коллекции «Лего», включавшей в себя и копию Эйфелевой башни высотой больше двух метров. Для ее сотворения команде инженеров понадобилась неделя работы, причем детали, из которых она состояла, приобретались за счет «Гугла». На этом этаже бросались в глаза все корпоративные излишества, и особенно это касалось инженеров. Когда цифровой гигант приобрел этот особняк, к ремонтным работам начальство приступило именно с этого этажа. Здесь обустроили библиотеку и комнату отдыха, купили современную мебель и разработали для каждого этажа проект роскошных кухонь. И только потом поняли, что на другие уровни оставшихся денег уже не хватит. После чего всем стало совершенно очевидно, что поселить на втором этаже надо именно инженеров, тем самым даровав им вполне заслуженную привилегию.

До кухни Эльга добралась беспрепятственно. Та заключала в себе военный трофей, завоеванный долгой, упорной борьбой. Эльга пару секунд подождала, посмотрела сначала направо, потом – налево. Никакой патруль за ней не следил. «И сильна же я», – с горделивой улыбкой подумала она. А когда успокоилась, схватила добычу: печенье «Орео» с арахисовым маслом. Только здесь и больше нигде во всем здании был шанс его отыскать. Во Франции оно не продавалось. Французский филиал «Гугла» привозил его из Англии, уступая бесконечным требованиям начинающих активистов. Поставляя своим дорогим маленьким гениям сладости, которые больше нигде нельзя было найти, компания таким образом покупала своему социуму мир и покой.

Вторая трудность плана заключалась в том, чтобы после выполнения миссии незаметно вернуться с вражеской территории. С этой целью Эльга воспользовалась толпой, собравшейся

по поводу запрещенного вторжения. Какой-то коммерсант пригласил в офис одного из своих клиентов, и тот, на свою беду, нарушил принятое несколько недель назад правило, запрещавшее показывать посторонним этаж инженеров. В качестве формального оправдания приводились соображения безопасности – некое подобие последнего бастиона, оружие массового убеждения, которым начальство размахивало, дабы без боя одержать победу. Официально инженеры больше не хотели, чтобы им досаждали эти мужланы от бизнеса, которые открыто говорили о деньгах, не выказывая ни малейшего стремления изменить мир. Свою битву они выиграли в мгновение ока, проведя блицкриг, которому армия коммерсантов, дезорганизованная и лишенная лидера, так и не смогла ничего противопоставить.

Впервые придя на работу в «Гугл» три года назад, Эльга с удивлением и весельем наблюдала за внутренними войнами по самым пустячным поводам, не представлявшим для всего остального человечества ни малейшего интереса. Началом «Крекергейта» послужило самое обычное, совершенно невинное электронное письмо или, на жаргоне гуглёров, Телеграмма. Его разослал один из инженеров, работавших над программой «Дип Майнд», предусматривающей создание искусственного интеллекта «Гугла»: «Срочное сообщение! На кухне второго этажа закончились крекеры „Лора Тодд“. Кто-нибудь может подтвердить, что утром их запас пополнят? В первую очередь это относится к печенье с белым шоколадом и кокосовым орехом». (Формулы вежливости в телеграммах со второго этажа никогда не применялись. «Здравствуйте» в них заменяли фразой «Срочное сообщение», а вместо «Спасибо» попросту ставили точку.)

Это безобидное послание, написанное человеком, которому не хватало энергии сдобрить творческий потенциал, превратилось в катализатор и вылилось в противостояние, столкнувшее лбами коммерсантов и инженеров. Первые уже видеть не могли пирожные, битком набитые всякими токсичными примесями, в то время как вторые, в свою очередь, считали наступление пищевых продуктов, подвергнутых глубокой промышленной переработке, неоспоримым и неотъемлемым правом их гениального мастерства. Если такого рода сладости у них отнять, это стало бы посягательством на их свободу, отрицательно сказалось бы на эффективности труда и в потенциале в конечном итоге могло обернуться опасностью для всего «Гугла». Гильдия коммерсантов, для которых здоровье всегда оценивалось в денежном выражении, презрела этот риск и потребовала прекратить поставки любых продуктов с высоким содержанием химических добавок и подсластителей. Они составили исчерпывающий список подлежащих изъятию позиций, в который главным образом вошли печенье, пирожные, мороженое, сладости, а также все остальное, содержащее насыщенные жиры, сахар, соль, глютен и любые другие вещества, способные нанести вред их внешней, являемой миру телесной оболочке.

Софи, их *happiness manager*, или, в переводе, «ответственная за счастье», аргументы коммерсантов встретила благожелательно. Ей и самой уже пришлось наблюдать новые трудности, с которыми сотрудники сталкивались по понедельникам и четвергам во время сеансов йоги. Она добилась прекращения поставок в кафетерии печенья. Для гильдии инженеров это стало самым настоящим объявлением войны, покушением на их привилегию не заботиться о самих себе и, что гораздо важнее, на значимость той роли, которую они играли в компании. В ответ они решили провести атаку сразу по двум фронтам. Во-первых, пожаловались на «ответственную за счастье» и обвинили ее в недостатке профессионализма, заявив, что она проигнорировала процедуру изъятия с кухни тех или иных продуктов: перед тем как это делать, надо было выждать как минимум пятнадцать дней. Подобная отсрочка позволяла всем подготовиться или же потребовать предварительно оценить результат таких действий. Причем обвинение это направили непосредственно всемирному главе счастья, в калифорнийский Маунтин-Вью.

Французский филиал «Гугла» оказался на грани краха. По оценкам специалистов, близко знакомых с делом, финансовый ущерб мог составить несколько десятков, а то и сотен мил-

лионов долларов. Параллельно инженеры создали альянс с «гильдией конечных продуктов», ответственной за использование разрабатываемых «Гуглом» инструментов. И хотя инженеры никогда не питали к другим гильдиям особого уважения, здесь их интересы совпали, в результате они получили тактическое преимущество, которым нельзя было не воспользоваться в период ведения боевых действий. Способные теперь задавить других числом, они потребовали прекратить любые поставки экологически чистых, обезжиренных продуктов, равно как и тех, в которых не было клейковины. Тактика выжженной земли: если их лишили печенья «Лора Тодд», то вся остальная «здоровая» еда тоже должна исчезнуть.

Эльгу действия инженеров приводили в восторг. Они вели себя, как маленькие голово-резы в яслях. Война продолжалась несколько недель. На сторону коммерсантов встали вегетарианцы из отдела маркетинга и католики из юридического. Начальство, вскорости утратившее над ситуацией контроль, в конечном счете решило прибегнуть к крайнему средству и объявило внезапную реорганизацию. Война за крекеры закончилась, а печенье с белым шоколадом и кокосовыми орехами вернулось на свое место на кухне второго этажа. Несмотря на улыбки, а то и безудержный смех, который вызывала как эта, так и последовавшие за ней истории, Эльгу от такого фольклора охватывало некоторое чувство тревоги. Оторванность от реального мира за пределами их особняка достигла такого уровня, что рассказывать об аналогичных событиях кому-то, не входящему в узкий круг посвященных, не имело никакого смысла.

Когда она поднялась на четвертый этаж, в груди кольнуло чувство вины. Совершенная ею кража принесла успокоение разуму, но при этом напомнила рефрен, без конца повторяемый всем новичкам: «В первый год каждый набирает пять кило!» Только-только поступив сюда на работу, она, подобно многим другим, над ним посмеялась, но потом действительно поправи-лась на пару-тройку кило. Чтобы расплыться фигурой маловато, но чтобы предпочитать лифту лестницу и после каждой мелкой кражи терзаться пару секунд чувством вины – в самый раз.

Эльга одну за другой провела сразу три телефонных конференции, на каждой из которых полагалось решать вопросы стратегической важности. Но все три в конечном итоге свелись к обсуждению не представляющих никакого интереса пустяков. Наблюдая за резвыми скачками чужого эго, она несколько часов зевала от скуки, а затем отправилась в зал «Мастрояни» встретиться с Соней. После чего бросила обертку от «Орео», которую держала в кармане, не желая оставлять следов.

– Ага, тебе, стало быть, удалось незаметно умыкнуть у них еще одну упаковку?

– Да, ты сама знаешь, за мной действительно водится такой грешок, – ответила Эльга и подмигнула.

Затем села рядом и запустила инструмент оценки производительности, традиционный для их ежеквартальных встреч. Они познакомились еще во время работы в «Майкрософте», друг дружку ценили и, что гораздо важнее, доверяли одна другой. Эльга мало распространялась о своей личной жизни, и Соня относилась к числу тех немногих, кто был в курсе ее тайн. Она рассказывала ей даже о последних неудачах на любовном фронте, в частности о Ришаре, ради которого ей пришлось добровольно на два года уехать в ссылку в Лондон. Еще одна мучительная история из тех, которые наводили ее на мысль, что за профессиональный успех приходится расплачиваться личной жизнью, будто какая-то незримая рука постоянно велит тебе выбирать между этими двумя взаимоисключающими ролями.

Соня, со своей стороны, в последние несколько лет познала все аспекты семьи, в том числе и связанные с ней беспорядочные потрясения. Она больше не могла распоряжаться ни распорядком дня, ни карьерой, а ее муж, похоже, без конца скрывался в командировках, случавшихся все чаще и чаще. Их союз рушился, она чувствовала, что человек, которого она считала опорой, ее бросил. Глядя, как рождалась, а потом росла ее семья, Соня как никогда чувствовала себя ужасно одинокой.

Подруги друг друга поддерживали, помогая пережить периоды мимолетной беспричинной тоски. Порой эти две воительницы снимали доспехи, чтобы пропустить по стаканчику, но это никогда не затягивалось надолго – только на время разговора. К тому же Эльга обладала врожденными качествами лидера, в то время как Соня демонстрировала цепкую коммерческую хватку. В итоге они друг друга взаимно дополняли. Честолюбию в отношениях между ними места не было. Оценку производительности, как всегда, провели быстро. Когда Эльга уже заканчивала, Соне позвонили. Она ответила и неподвижно застыла. Затем оцепенело посмотрела подруге в глаза.

Глава 9

Калю надо было готовиться к церемонии открытия «Каннских львов».

Он воспользовался главной каютой «Ривьеры», которая ничем не отличалась от роскошных апартаментов в каком-нибудь дворце. Но ее все же выдавали две характерные особенности: высота потолков и ослепительное искусственное освещение.

Несмотря на огромную площадь помещения, его тут же охватил приступ клаустрофобии. Кровать кинг-сайз была удобной, ковер толстым и нежным на ощупь, повсюду царил образцовая чистота. Он прошел в душевую кабинку. Потекла вода. Каль добавил горячей, чтобы она стала чуть ли не нестерпимой.

Его взгляд блуждал по батальонам капелек, бежавших по телу, по ногам и ступням. Обжигающая жидкость сняла напряжение с мышц и кожи, тут же вернув его в семнадцатую палату сиротского приюта, на кровать под номером пять. Эту спальню он, маленький мальчонка, делил с семьей другими детьми, практически теми самими, с которыми во время приема пищи сидел за одним столом. С самого первого дня он там не прижился. Его, слишком маленького, доброго, впечатлительного, слабого и слишком хорошо, по мнению сотоварищей по общей спальне, жившего в прошлом, сразу отвергли. Мальчонка нередко вытягивался на кровати номер пять и вглядывался в пятно сырости на потолке, тянувшееся строго параллельно лицу. Поначалу это было лишь небольшое зеленое пятнышко, испещренное черными крапинками. Он анализировал каждую его деталь, сосредотачивая на этой задаче все свои усилия и мысленно улетаая из семнадцатой палаты. Пятно увеличивалось – с каждым днем, с каждым месяцем, с каждым годом. Оно заполняло собой весь потолок и лизало стены, пытаясь спуститься на пол.

Составлявшие его черные кляксы покрывали зеленые, желтые на концах разводы. Оно распространялось беспрепятственно, не встречая на своем пути никаких преград. И внимание на него обращал только маленький мальчик. Каль дрожал. Все его тело охватывали бесконтрольные спазмы. Эта нить Ариадны неизменно выводила его из лабиринта. Он опять смотрел в строго определенную точку. Затем завернул кран, вышел и снял со стены фен. Ощущение теплой струи на коже ему нравилось. В этот момент его от входа в апартаменты позвал смущенный голос:

– Надеюсь, я вас не побеспокою, но вы велели мне прийти в восемнадцать часов... Сейчас как раз восемнадцать...

Понятно, это новенькая. Новая помощница руководителя, его связь с остальным миром. Он вспомнил, что девушку ему прислал тот самый комдир, которого он сегодня утром подвозил из аэропорта Канна. Где же все-таки они раньше пересекались? Этого он не помнил.

– Да, я через секунду буду, сядьте пока на стул справа от вас.

У Каля было немало пунктиков, маний и навязчивых идей. В их число входила и привычка впервые принимать новую помощницу в совсем не подходящем для этого окружении. Ничего запретного, он просто доводил ситуацию до крайности, чтобы сразу поставить ее в рабскую зависимость, чтобы потом с ней можно было делать что угодно, а она соглашалась.

Помощниц он поглощал с невероятной скоростью. Как правило, не проходило и шести месяцев, как они уже отказывались от дальнейшей борьбы. Им не хватало стойкости и опыта, не нравился слишком бешеный ритм и чересчур натянутые отношения с Калем. Заиметь «приближенную охранницу» он не стремился. И никогда не пытался собрать вокруг себя команду, членам которой можно было бы доверять, предпочитая использовать людей, выжимать из них все соки, а потом заменять другими. И за поставками новых, как правило, обращался к одному и тому же «охотнику за головами». Здесь работала прекрасно смазанная машина. Каль посылал ему электронное письмо с коротким названием «Другая» и в тот же день получал резюме

идеальной кандидатки. Образование, характер, хобби, возраст, склад ума – чтобы все соответствовало тютелька в тютельку. Каль одобрял ее, не вникая в детали, и новенькая вливалась в коллектив. Для этой он сделал исключение. Нарушить привычный порядок его подтолкнуло одно странное совпадение. Как-то он получил от комдира электронное письмо с профилем «интересной», «одобренной окружением» молодой девушки. А через несколько минут получил письмо, в котором прежняя помощница объявляла ему о своем уходе. Может, жизнь таким образом посылала ему какой-то знак? Он за минуту еще раз прочел письмо комдира и переслал его директорше департамента, ответственного за набор персонала, попросив встретиться с предложенной кандидатурой. Если она согласится, он ее возьмет.

Сегодня новенькая дорабатывала третий день, все это время занимаясь вопросами координации, которых у нее было предостаточно. Контактируя до этого сугубо виртуально, лично они встречались в первый раз. Он уже чувствовал ее страх. Она была тем маленьким, напуганным зверьком, которого он намеревался медленно сожрать.

Каль вышел из ванной и направился в комнату, где его с нетерпением дожидалась новенькая, подошел к ней и пожал руку. А потом, когда она представилась, остался стоять, подавляя своей широкоплечей фигурой, чтобы она почувствовала его силу. Затем жестом велел ей сесть. Она опустила глаза, не желая на него смотреть, когда его наготу прикрывал лишь халат. Каль устроился напротив на широком диване и стал в полном молчании ее рассматривать. Она самыми кончиками пальцев слегка одернула платье, на несколько сантиметров не доходившее ей до коленей. Ей хотелось скрыть свое замешательство. К несчастью, на ее щеках пробился румянец. Каль испытывал внутренний восторг. От поясницы вверх по спине до самой шеи, а потом по затылку, у него поползли мурашки ликования.

– Я приготовила вам распорядок дел на нынешний вечер.

С этими словами она положила на разделявший их стол лист бумаги, испещренный набранными на компьютере символами. Каль молча взял документ, пробежал его по диагонали глазами, положил обратно, опять впери в девушку взгляд своих глаз, острых как клыки, и, по-прежнему ни слова не говоря, стал ждать продолжения. Для человека неподготовленного молчание представляет собой оружие массовой дестабилизации.

– А вот это, наконец, список тех, кого вы можете увидеть на коктейле. В нем вы найдете сжатую биографию каждого из них и краткий перечень ваших предыдущих встреч.

Этот лист бумаги она подтолкнула к нему. Каль повторил тот же самый церемониал с полным молчанием в качестве кульминации.

– Здесь ваша речь. Если вам что-нибудь понадобится, я в вашем полном распоряжении.

«Еще бы ты не была в моем полном распоряжении», – подумал Каль. Затем недовольно и с сомнением надул губы, желая подчеркнуть свою неуверенность и опасения. Она опять опустила глаза, явно ступавшись.

Несмотря на слишком большие очки и несколько старомодный, провинциальный стиль, новенькая не была лишена простой, безыскусной красоты. Лет двадцати пяти – двадцати шести, она едва успела сформироваться как женщина. У нее были длинные белокурые волнистые волосы, спадавшие на гармоничные формы. На груди и ниже спины угадывались выпуклые округлости. Единственной ее смелой выходкой были каблуки – очень и очень высокие.

«Чтобы быть со мной одного роста», – подумал Каль. Затем встал, вышел из комнаты и отправился обратно в ванную, оставив документы на столе. Опять же без единого слова. И только когда оказался за перегородкой, разделявшей два помещения, наконец, сказал:

– Увидимся во время коктейля.

Этим разговором Каль только что уничтожил любые надежды новой помощницы в один прекрасный день наладить с ним отношения на равных. Он сбросил на пол халат. Зеркало площадью несколько квадратных метров позволило ему констатировать, что практически каждодневные занятия в конторе позволяли ему эффективно противиться влиянию времени. Индекс

жировой массы тела у него сохранялся на уровне пятнадцати процентов, а вместе с ним идеальные пропорции торса, рук, стана и бедер. Так он мог компенсировать рост, который ему хотелось бы иметь побольше. Его фигуру нельзя было назвать ни нелепой, как у культуриста, ни тшедушной, как у захудалого типа. Калю нечасто приходилось видеть всего себя нагишом – лицом к лицу, как сейчас. Под идеальной телесной оболочкой он скрывал навязчивые идеи. Идеи, лишавшие его сорокапятилетнего возраста, уловок хамелеона, пляшущего под чужую дуду, и уверенности, которую они выдирали из него, будто клещами. Он был маленьким мальчиком, вглядывавшимся в пятно на потолке. Там же была и ревущая зверюга, жрица его воли, вопившая, что его убьет страх.

– Вставай! – орала она.

– Я не могу, – всхлипывал ребенок.

– Вставай **НЕМЕДЛЕННО**, или я тебя сожру.

Морда зверюги напозала на него, постоянно меняя форму. От криков Каля пятно деформировалось, его когти стремились разодрать в клочья пелену сознания.

– Я не могу...

– Ты должен, если, конечно, не хочешь умереть.

– Стоит мне пошевелиться, как они сделают мне больно.

– А если неподвижно замрешь, тебе конец. Что тебе больше нравится, боль или смерть?

Мальчонка плакал горячими слезами. У него не было ни крепостных стен отца, ни тихой гавани матери. Перед лицом этой агрессии он был беззащитен и в одиночку пытался обрести мнимое покровительство.

– Но что мне сделать, чтобы защититься от их ударов?

Тварь перестала царапать пятно, ее морда приблизилась к нему, свесившись с потолка уродливой простыней. Буквально в нескольких сантиметрах от своего носа ребенок почувствовал ее дыхание.

– Все очень просто – ты их сожрешь!

– Но я не могу.

– Можешь, еще как можешь. Сожри их! Немедленно!

– Но я не могу.

Зверюга заревела еще громче и с неслыханной силой хлестнула ребенка по лицу единственным словом:

– **НЕМЕДЛЕННО!**

Мальчонка резко сел на кровати, собравшаяся вокруг него толпа буквально подпрыгнула. С него не сводили глаз полдюжины человек, рефлекторно убрав ноги. Он стал хватать выпущенных на него мучителями пауков, ползавших по голым ногам, и запихивать в рот, словно приготовленный на день рождения пирог. Оказавшись между его нёбом и языком, те задержались и забились друг о друга. Он жевал, по очереди глядя каждому палачу в глаза, давая этим взглядом понять, что он следующий. Те окаменели от ужаса. Искромсав зубами и проглотив последнего паука, он широко разинул рот, высунул язык и заорал. Ребенок чувствовал, как их лапки в последнем, отчаянном жесте цеплялись за стенки трахеи. Потом повернулся к устремленным на него взорам. Их переполнял страх. И чем сильнее он их забирал, тем больше его крик переходил в рычание. Глаза он не закрывал. Он больше никогда их не сомкнет, а этих несчастных придурков, в который раз попытавшихся его напугать, просто сожрет.

Любуясь на себя в зеркало, Каль ждал, когда в его нёбо поскребутся фантомные паучы лапки.

Глава 10

Фрэнк постучал в дверь дивизионного комиссара Ванно, патрона парижской уголовной полиции. Кабинету начальника еще несколько месяцев полагалось находиться в самом сердце префектуры полиции Парижа, маяком высившейся в Первом округе на острове Сите. Переезд запланировали на следующий год. На волне этой революции и он сам, а вместе с ним и все правоохранные структуры Парижа переберутся в Бастион, новый городской уголок правосудия. Фрэнк с трудом мог представить Ванно не в старом кабинете, где тот, устроившись в выдавшем виды кресле, орал свои приказы, а в каком-то другом окружении. Разве его фигура мафиози шестидесятых годов могла вписаться в современные открытые пространства, застекленные офисы и модульные залы для совещаний? Не успел еще Фрэнк составить себе окончательного мнения, как через дверь донесся крик:

– Войдите!

– Как жизнь? – бросил ему Фрэнк, затворяя за собой створку.

В качестве ответа Ванно махнул ему рукой на стоявшее в углу старое клубное кресло.

– Привет, Боске, – сказал Фрэнк сидевшему напротив Ванно собеседнику.

– Здравствуй, Фрэнк, – ответил ему руководитель антитеррористической бригады с набережной Орфевр, 36, и возобновил прерванный разговор.

Фрэнк и Ванно знали друг друга хорошо. Они вот уже несколько десятилетий оказывали друг другу помощь, и хотя на начальном этапе их сосуществование во многих отношениях носило бурный и непростой характер, это не помешало ему впоследствии, по мере накопления расследованных дел, перерасти в эффективное сотрудничество из числа тех, когда два человека взаимно дополняют друг друга. На бумаге один выступал по отношению к другому начальником, но на деле Ванно снимал сливки, в то время как Фрэнк занимался всеми громкими преступлениями. Один вращался в политике, другой крутился на земле, и эти две сферы никогда не пересекались. Отчитывался Фрэнк всегда только Ванно и никакого другого начальства не признавал. Эту роскошь он очень ценил, ведь она обеспечивала ему свободу действий, которой так завидовали коллеги.

Фрэнк сел в указанное ему кресло. Оно выглядело еще старше Ванно, хотя такое и вряд ли было возможно. Он явственно почувствовал, как под его ягодицами мучительно сжались закоснелые пружины.

От Боске, одетого в безупречный костюм, исходили флюиды чрезмерного профессионализма. Вся его внешность, от коротко подстриженных волос до начищенных туфель, пронизывало безукоризненное самообладание. Этого человека – по правде говоря, тщедушного и невысокого роста – окружала примечательная аура безмятежности и надежности. Фрэнк доверил бы ему жизнь, не колеблясь ни единой секунды. Но от того, что он рассказывал Ванно, у него холодела спина. Боске говорил о текущих угрозах, о подвижках в расследуемых делах, о первоочередных сведениях, полученных внутренними и внешними разведслужбами. Без подробностей, лишь в самых общих чертах. Десятки террористических угроз, сотни мест, за которыми велось наблюдение, тысячи лиц, установленных на прослушку, – от доклада Боске у парня из уголовной полиции, такого как Фрэнк, шла кругом голова.

Фрэнк зараз отвечал за одно, иногда за два расследования. Очень трудно сохранять хладнокровие и обеспечивать надлежащую организацию, если тебе одновременно приходится вести десятки дел, постоянно испытывая на себе неослабевающее давление, которое к тому же только нарастало – в результате возросшей международной нестабильности и политики, парящей на волнах психозов. Фрэнк не мог сдержать своего восхищения перед лицом этой задачи, выполнять которую не смог бы даже в течение короткого периода времени. Тайные дела, творив-

пиеся в тени и выплывавшие на свет только после очередной драмы. Благородное служение вплоть до неизбежного конца.

Под занавес Боске сообщил о предупреждениях зарубежных спецслужб, переданных по линии Интерпола. Если отбросить в сторону политику, то международные подразделения уголовной полиции всех стран плыли в одной лодке и сотрудничество между ними налаживалось самым естественным образом.

Для этого, опять же, приходилось ежедневно обрабатывать десятки сообщений. Поскольку у истоков большинства из них стояли спецслужбы, их квалификация представляла собой отдельную трудность. Фрэнк удивился, узнав, что предупреждения поступали со всего мира. Из европейских стран, из США, но также из Азии, Африки и Латинской Америки. В последних, к примеру, содержалось предупреждение об агенте-предателе, работавшем на колумбийскую наркомафию, и упоминалось Управление по борьбе с наркотиками (УБН) США. Тамошние специалисты подозревали, что агент находится в Париже, и американцы просили французскую полицию помочь его отыскать. «Поразительно», – подумал Фрэнк, которому только что, не покидая кресла с торчавшими наружу пружинами, пришлось совершить кругосветное путешествие по миру преступлений и ужаса. И дело, которое расследовал он, вдруг показалось ему мелким и ничтожным.

– А что технократы с набережной Орсе говорят об избрании этого чокнутого янки? – спросил своим хриплым, утробным голосом Ванно, уткнув в документы нос.

– Официальной информации пока нет. Это будет сюрпризом.

Ванно оторвался от бумаг и посмотрел на Боске:

– Избавь меня от этого идиотского дипломатического жаргона.

– Все пытаются оценить, какой вред он способен причинить.

– Какой может причинить вред?

– Чтобы его избрали, он чего только не наговорил. И что ему теперь делать?

– Краснобай чертов! Если мы не хотим Третьей мировой войны, на него придется надеть намордник.

Затем Ванно перешел на свистящий шепот и едва слышно добавил:

– В противном случае для урегулирования проблемы придется обратиться к барбузам из ЦРУ.

Боске не попытался ни сделать замечание, ни вообще продолжать начатый разговор. Для европейских демократий приход Трампа на властный Олимп США стал электрошоком, ведром ледяной воды, которым хотят разбудить гуляку после слишком бурного вчерашнего застолья. Получается, что в условиях стабильной демократии ради защиты прав деклассированных белых воротничков можно избрать плутократа, расиста и сторонника гендерной дискриминации. Плюс неистовый напор безграмотного мужлана в ответ на собственные иррациональные страхи, что само по себе уже напоминало взрывоопасный коктейль, вызывающий ассоциации с тридцатыми годами прошлого века.

Боске попрощался с Фрэнком, потом с Ванно и ушел.

Босс влил в себя незнамо какую по счету чашку кофе, подвинул на столе большой блокнот и пальцем поманил Фрэнка, веля сесть напротив него. Присущие этому человеку манеры сразу выдавали в нем француза, точнее французского начальника: уважение и притворство по отношению к руководству, суровость и авторитарный подход в общении с подчиненными, соперничество и зависть к равным. Но Фрэнк все это ценил. Он сумел разглядеть не только очевидные недостатки, но и два основополагающих достоинства. Ванно в любых обстоятельствах сохранял справедливость и беспристрастность. И супротив всех ожиданий, несмотря на привычки заправского французского шовиниста, сумел завоевать уважение тех, кто служил под его началом.

– Так, и что же произошло в этом говенном сумасшедшем доме?

«Лихо он взялся за вопрос», – подумал Фрэнк.

– Ты имеешь в виду больницу?

– Не умничай, у меня нет времени на твой юмор, – сказал он, вчитываясь в дела, заполнявшие каждый квадратный сантиметр его стола.

– Расследование обещает быть непростым.

– Выкладывай.

Фрэнк вкратце рассказал о происшествии в больнице Святой Анны, о том, как Филиппа Сильву нашли, упомянул, что его пытали, потом ампутировали руку, отрезали гениталии, а закончили лоботомией. Не забыл и о маске, придававшей всей картине определенный символизм.

– Это все сделал какой-то псих?

– Не думаю.

– Развей свою мысль.

– Слишком тщательная подготовка, слишком мастерски и хладнокровно сработано. У психов совсем другой образ действий.

– Что у вас имеется?

Подразумевались те или иные элементы преступления, которыми Фрэнк и члены его команды располагали, чтобы быстро поймать злодея и не допустить утечки информации в прессу.

– О том, кто за этим стоит, на данный момент ничего, разве что весьма нетипичные орудия преступления – перфоратор и электропила.

– Какой еще перфоратор?

– Что-то вроде дрели для высверливания отверстий в бетоне и камне.

– Он что, разворотил этому типу мозг дрелью по бетону?

– Да, в общем и целом можно сказать и так.

– Месть на любовном фронте?

Фрэнку и самому пришла в голову такая мысль – перед тем как увидеть Сильву и тот укрощенный гнев, который к нему явно питал злодей.

– Не думаю, что это как-то связано с чувствами, хотя исключать на данной стадии расследования тоже ничего не могу.

– Почему?

– Что почему?

– Почему ты думаешь, что чувства здесь ни при чем? Выражайся яснее, черт бы тебя побрал!

А речевом аппарате Ванно лексический запас выражений вежливости давно превратился в ругательства. «Здравствуйте», «спасибо», «пожалуйста», «прошу вас» в его исполнении сменились «пристраивай сюда свою задницу», «черт», «вали отсюда, нахрен». По первому разу это вызывало смущение, но потом мозг подстраивался и автоматически выдавал транскрипцию.

– С режиссурой он, конечно... как бы это сказать... перестарался. Где-то даже повел себя иррационально. С другой стороны, все самым замечательным образом подготовил, организовал и сделал. Поскольку помимо мастерства это также требует некоторых медицинских и даже военных познаний, лично я не считаю, что в этом преступлении замешаны эмоции.

– Военные познания? Что ты такое мне, нахрен, здесь мелешь?

Ванно оторвался от бумаг и все свое внимание переключил на Фрэнка.

– Похищение, пытки, способность тайком проникнуть в больницу и незаметно из нее выскользнуть – все это, скорее, наводит на мысль о профессионале.

– О профессионале?

– О человеке, который знает, что делает. Мы имеем дело отнюдь не с бывшей подружкой, решившей отомстить негодяю.

– Я прекрасно знаю, кто такой профессионал! – зарычал Ванно. – Или ты принимаешь меня за одного из тех козлов, которые повсюду щеголяют в костюмах и галстуках?

Заданный вопрос ответа не предполагал. Выражение лица Ванно внезапно изменилось. Он посмотрел Фрэнку прямо в глаза и медленно заговорил:

– Получается, что жертву этот полудурок не знал?

– Я этого не говорил, – ответил Фрэнк и подумал, что у него были все основания предполагать как раз обратное.

– Профессионал, знакомый с жертвой? Такие пачками по улицам не бегают. Думаю, ты быстро его найдешь, правда?

– Свои избитые ловушки побереги для зеленых салаг. Как только выяснятся дополнительные подробности, я тебе сообщу.

– Нам что-то грозит?

Перевод: «Нас ждет серия или на этом все закончится? Ведь ты, Фрэнк, тридцать пять лет оттачивал нюх, расследуя самые паршивые преступления в Париже и его окрестностях».

– Если бы мне пришлось биться об заклад, я бы предположил, что это действительно серия.

Ванно окатил Фрэнка своим фирменным убийственным взглядом. Он знал, что тот уже вышел из возраста, когда его можно было напугать, но с годами это превратилось у него в рефлекс.

– Тогда наизнанку вывернись, но поймай его до того, как он натворит что-то еще.

– Я мобилизовал всех своих людей.

– Очень надеюсь, что ты на время позабудешь обо всех остальных делах и вместе с твоей голоштанной командой сосредоточишь на этом преступлении все свои усилия.

Привычная мелкая колкость по поводу нетипичной манеры Фрэнка набирать и руководить своей группой. Он на это никоим образом не злился – трудно меняться, когда десятилетиями накапливаешь рефлекс и привычки.

– Как насчет рапорта? Каждый день?

– Да, а если появится хоть что-то важное, докладывай немедленно.

За дверью босса послышался глухой шум. Кто-то просился войти.

– В чем дело? – несуразно громко завопил Ванно.

Из-за старой деревянной створки донесся осторожный, слабый голосок:

– Это касается Фрэнка. Нашли жену жертвы, вот адрес ее офиса.

Не дожидаясь разрешения патрона, Фрэнк встал, открыл дверь и взял клочок бумаги, содержащий в себе следующие сведения: «Соня Сильва, французский филиал „Гугла“, Лондонская улица, 8, 75009».

– Я еще не закончил! – прогрохотал Ванно.

– Побереги до следующего раза. И не волнуйся, нам очень скоро предстоит новый разговор.

Марис посмотрела на него с теплой улыбкой на лице. Она вот уже сорок лет работала у дивизионных комиссаров секретаршей. Во всей конторе ни одна живая душа не знала дом 36 по набережной Орфевр лучше нее. Она могла назвать поименно всех сотрудников, а заодно сообщить новости об их детях и внуках, никогда не путаясь ни в возрасте, ни в именах. Она была душой и памятью управления полиции, и все, даже самые ярые женоненавистники, питали к ней неизменное уважение.

– Спасибо, Марис, попроси Лоране подъехать прямо туда, я буду через двадцать минут.

Фрэнк вышел в коридор, на прощание едва махнув Ванно рукой. А когда уже ступил на лестницу, ведущую на верхний этаж, услышал брошенную ему в спину угрозу:

– И чтобы этот псих быстро оказался за решеткой! Это в твоих же интересах!

Глава и

– Это полиция! – воскликнула Соня. – Они внизу, хотят со мной поговорить.

– Не может быть! Шутишь, да? Прекрати! Ты что, угнала машину? Впрочем, нет, я поняла, тебя поймали на промышленном шпионаже, ты всегда казалась мне подозрительной.

На лице Эльги обозначилась веселая улыбка, но при виде зарождающейся в душе подруги тревоги тут же исчезла. Она поняла – все очень и очень серьезно. Черты лица женщины застыли, руки задрожали, глаза искали у Бога поддержки, надвигалась трагедия, и она всеми силами старалась ее отсрочить.

Соня схватила телефон и позвонила мужу, но попала на автоответчик. Затем сразу же набрала другой номер.

– Хода, это я, вы дома? Отлично. Как дети? Вот и хорошо. Филипп не звонил? Я могу задержаться, так что покормите их ужином.

Она положила аппарат на стол.

– С Филиппом что-то стряслось, – произнесла она дрожащим голосом, в котором явственно звучала паника.

– Почему ты так говоришь?

– Я знаю... Чувствую.

– Да нет, не переживай, наверняка ничего страшного.

– Если они приехали прямо сюда, значит, дело серьезное.

– Откуда тебе знать?

– Знаю, и все. Ты можешь остаться со мной?

– Ну конечно могу, – ответила Эльга и положила на плечо подруги ладонь.

В этот момент в комнату, в сопровождении охранника Доминика, вошли тип лет шестидесяти и женщина помоложе. Флик направился к Соне и протянул ей руку:

– Здравствуйтесь, мадам Сильва. Меня зовут Фрэнк Сомерсет, я комиссар уголовной полиции Парижа. Позвольте представить вам моего главного инспектора Лоране Мило.

Флик показал на женщину за его спиной. Той было чуть за сорок, и она совсем не напоминала агента полиции. Выражение лица, насколько холодное, настолько и профессиональное, смягчалось женственным обликом, стройной фигурой и пышной, роскошной белокурой шевелюрой. Она кивнула Соне и молча прислонилась к стене. Эльга подумала, что из них двоих именно ей отводилась роль «плохого копа».

Фрэнк посмотрел по сторонам и отпустил охранника, который ушел, закрыв за собой дверь. Затем повернулся к двум женщинам и окинул их беглым взглядом – сначала Соню, потом незнакомку, которая ее сопровождала. Надо было соблюдать бдительность. Он не хотел, чтобы она вмешивалась в ход допроса. Предстоящий первый разговор с Соней представлялся жизненно важным для скорейшего выявления следов, благодаря которым они смогут продвигаться вперед.

– Сожалею, но у меня для вас плохие новости.

– Что-то с Филиппом?

У Сони уже блуждал взгляд, левая рука нащупывала стол, чтобы ухватиться за него и не упасть.

В едином порыве Фрэнк с Эльгой подхватили ее с двух сторон под руки, желая поддержать. Их взгляды скрестились – с одной стороны, верная подруга, с другой – добрый флик.

– Да, на него было совершено нападение. Но вы не волнуйтесь, его жизни ничего не угрожает.

– Что с ним? Где он?

Фрэнк с Эльгой сжали ее крепче, опасаясь, что молодая женщина пошатнется и упадет.
– Сядьте, пожалуйста, я сейчас вам все объясню.

Фрэнк и Эльга помогли Соне сесть. Эльга устроилась рядом с подругой, не выпуская ее ладони из своей руки. Фрэнк схватил стул и сел за стол напротив.

– Теперь ваш муж вне опасности, он в хороших руках в медицинском центре Святой Анны.

– Мне надо его срочно увидеть.

– Сожалею, но на данный момент это невозможно – визиты в отделение, где он лежит, запрещены.

– Что с ним произошло?

– Отправляясь сюда, я говорил с доктором Рюзеком по телефону. Именно он с его командой занимается вашим мужем. Это главный врач неврологического отделения больницы Святой Анны. Ваш супруг в реанимации. Состояние его стабильно, однако он нуждается в постоянном наблюдении врачей. Именно поэтому вы пока не можете его увидеть.

Фрэнк говорил спокойным голосом, отчетливо произнося все значимые слова, и не забыл сделать короткую паузу, перед тем как сообщить, что дни Филиппа Сильвы еще не сочтены. Их первая встреча, которой всегда отводился основополагающий характер, создавала безопасную атмосферу. Соня должна была увидеть во Фрэнке человека, заслуживающего доверия. Лоране стояла в стороне, расстояние между ними еще больше усиливало позицию Фрэнка. Ее молчание и то обстоятельство, что она осталась стоять у стены, вносили дисгармонию и, на контрасте, подчеркивали сочувствие Фрэнка. Она тоже внимательно наблюдала за происходящим и подмечала ускользавшие от него детали, чтобы потом, по окончании допроса, высказать свои впечатления. Будучи весьма искушенной в этом деле, она отнюдь не радовалась присутствию Эльги, человека в сложившейся ситуации чужого и, следовательно, постороннего для следствия. Ей отнюдь не нравилось, что вторая женщина – может, подруга, но может и нет – может влезть в разговор и создать никому не нужные проблемы. Фрэнк тоже краем глаза поглядывал на Эльгу, которая зорко следила за каждым его жестом, как недоверчивый человек, выглядывавший любой ложный шаг, чтобы укрепиться в своих опасениях.

– В неврологии? – пролепетала Соня. – Почему в неврологии?

– Я сейчас вам все объясню, но сначала мне хотелось бы узнать, кто вы.

Фрэнк повернулся к Эльге. Его вопрошающий взгляд застал молодую женщину врасплох. Она не была готова, что полиция будет допрашивать ее саму.

– Эльга... Я ее подруга... – пробормотала она.

– Пожалуйста, пусть она останется, – попросила Соня.

Фрэнк откинулся на спинку стула и посмотрел сначала на нее, затем на Эльгу. Потом, немного поколебавшись, повернулся к Лоране, дабы перехватить ее взгляд. И вновь вспомнил рынок Анфан-Руж¹⁴, где и сформировались его глубокие познания в такой сфере, как человеческое поведение.

От этого крытого рынка, самого старого в Париже, Фрэнк жил буквально в двух шагах. Горожане окрестили его так много лет спустя после основания в XVII веке в честь красных мундиров, которые носили сироты примыкавшего к нему приюта. Эти дети, одетые во все красное, стали символом квартала, и Фрэнк хоть и не был сиротой, но до такой степени до самого поступления в полицейскую школу жил на обочине общества, что считал себя одним из них. Его воспитывала одна мать, и, сколько он себя помнил, в этой простой, радостной отшельнической жизни никогда не мелькало даже тени отца. Общество начала шестидесятых резко отличалось от нынешнего. Семейная ячейка в его представлении могла принимать единственно образ, затянутый в жесткий корсет католической морали: папа, мама и дети. Одинокая

¹⁴ В дословном переводе Marche des Enfants-Rouges означает «рынок красных детей».

женщина, воспитывавшая сына, – не вдова, даже не разведенная, а просто одинокая, – становилась объектом подозрений и сплетен. Помимо прочего, эта женщина, она же мать, должна была хранить тайну, которая грызла ее, будто опухоль внутренности. Мало того, что общественная мораль считала ее отклонением от нормы, так еще и психиатрия той эпохи классифицировала ее «безумной» или «идиоткой», если воспользоваться специально предназначенным для этого термином. Идиоты были не в состоянии должным образом воспитать ребенка. Стоило слишком любопытной соседке, слишком приветливому священнику или слишком подозрительному начальнику обнаружить разницу, как органы соцобеспечения тут же отобрали бы у нее Фрэнка. И тогда эта одинокая мать, женщина с психическими отклонениями, погрузилась в пучину каждодневной борьбы, дабы скрыть истинное положение вещей, и с самых молодых ногтей передать сыну свою невиданную способность инстинктивно чувствовать окружающих людей.

– Разумеется, никаких проблем, – ответил Фрэнк, прислушавшись к своему инстинкту.

В общем случае первый допрос жертв он проводил в присутствии одной лишь Лоране и только в привычном для них окружении. Теоретические обоснования допроса существовали в отношении подозреваемых и свидетелей, но только не жертв. Фрэнк пользовался знакомой жертве обстановкой, чтобы избежать фантазмагии комиссариата и внести в атмосферу еще больше успокоительных ноток.

Соня выказывала раздражение. Фрэнк больше не мог откладывать изложение фактов. Этот процесс подразумевал риск. Самое очевидное лежало на поверхности – женщина могла отреагировать бурно и получить психическую травму. Все, что за этим последует, будет смазано – в том числе и качество полученной им информации. Фрэнк бросил взгляд на часы, увидел, что стрелки подбираются к девятнадцати, и в последний раз попытался увести разговор в сторону.

– Может, вам нужно как-то помочь с детьми? При необходимости я мог бы кого-нибудь за ними послать.

– Нет, спасибо, за ними присматривает молодая девушка, которой мы за это предоставляем стол и кров.

– Ну что же, отлично. Просто знайте, что мы располагаем очень эффективной службой психологической помощи детям. Полагаю, Филипп очень с ними близок, да?

– Э-э-э... ну да... Да, конечно. Как любой другой отец, выполняющий на работе ответственные функции, он не может видеть их, когда пожелает. Но детей при этом любит больше всего на свете.

– Разумеется. *И какие же* именно ответственные функции он выполняет?

– Руководит коммерческим департаментом.

– В какой компании?

– В «Фейсбуке».

– Ого! В «Фейсбуке»? Работать в такой компании, должно быть, нечто невероятное. Хотя это, надо полагать, и постоянный стресс. Как он вел себя в последние Дни?

– Как он вел себя в последние дни? – повторила она, пытаясь собрать в кучу крохи воспоминаний.

Ее правая рука нервно крутила на безымянном пальце левой обручальное кольцо. Она постоянно стремилась глубже втянуть голову в плечи. Но ей в голову приходили только его отлучки. «Гребаные командировки!» – подумала она. Желая держаться поближе к своей команде, он, принимая участие в коммерческих мероприятиях, порой даже оставался на ночь в парижских отелях.

– Это для сплочения коллектива! – бросал он каждый раз, когда она упрекала его, что он не вернулся домой, как любой другой отец.

– Я... я не знаю... Я не знаю, что вам сказать. Филипп отправился на семинар. У него была привычка оставаться в отеле вместе со специалистами из других стран, приехавшими по такому случаю во Францию.

– Да, нам известно, что он два дня провел в «Марриот Рив Гош». Он обычно там останавливался?

– Что?

Как правило, Филипп с сотрудниками останавливались в «Марриот Амбассадор» на бульваре Османна. Этот отель располагался недалеко от их штаб-квартиры на улице Менар, в самом центре Парижа.

– «Марриот Рив Гош», бульвар Сен-Жак, Четырнадцатый округ.

Соня опустила глаза и почувствовала в глазницах едкие слезы ярости. Затем сделала глубокий вдох – сначала животом, затем ребрами и только потом грудью. Задержала на секунду воздух, закрыла глаза, сжала ладонь подруги, представила детей, почерпнула из этого образа энергию, необходимую для протяжного выдоха, и продолжила:

– Не знаю. Все зависит от того, где у них назначено собрание.

– Мне показалось, вы немного замялись.

– Нет-нет, я просто устала, не более того.

Ее странную реакцию Фрэнк отложил в ячейку с пометкой «Поразмыслить позже» и продолжил:

– Вам известно, с кем у него была встреча этим утром?

– Нет, как я уже вам только что сказала, он был на семинаре.

– Когда вы говорили с ним в последний раз?

Соня опять покопалась в воспоминаниях. Из-за полученного ею эмоционального потрясения они путались и накладывались друг на друга.

– Думаю, вчера вечером, часов в восемь, перед тем как уложить детей спать.

– Каким он вам в тот момент показался?

– Каким он мне в тот момент показался? – со вздохом повторила она. – Как всегда, в полном порядке... Так что с ним? – Ее голос вдруг посуровел.

Фрэнк не мог больше тянуть с изложением фактов. Чтобы его объяснение не сокрушило женщину и не свело ее с ума, он вложил в него все тридцать пять лет опыта работы. Его рассказ не содержал никаких деталей, он старательно избегал любых резких формулировок. Поведал, что Филиппа похитили из гостиничного номера, затем пытали в заброшенном крыле больницы Святой Анны, после чего его обнаружил проходивший неподалеку врач. Пока он решил умолчать как о лоботомии, так и об ампутации гениталий.

Для Сони каждый аспект его отчета представлял собой удар ножом в живот. Ее шею сжимали руки злодея, во внутренности вонзалось сверло перфоратора, кровь ее идеальной внешне жизни лилась по ногам и растекалась на полу под столом вокруг ступней. От нее осталась одна лишь оболочка, сотканная из боли и страха. Мысль о том, что она так дрогнула, была ей ненавистна. Женщина опять закрыла глаза, разжала зубы и сделала глубокий вдох, все так же сначала животом, затем ребрами и, наконец, грудью. Снова представила детей, сосредоточилась на них и на охватившей ее ярости, после чего выдохнула, выбросив из головы все мысли. И глаза открыла уже преображенная. Теперь она представляла собой лишь комок гнева, готовый встретить любую беду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.